

№4

Апрель 2023

РУССКИЙ КЛУБ

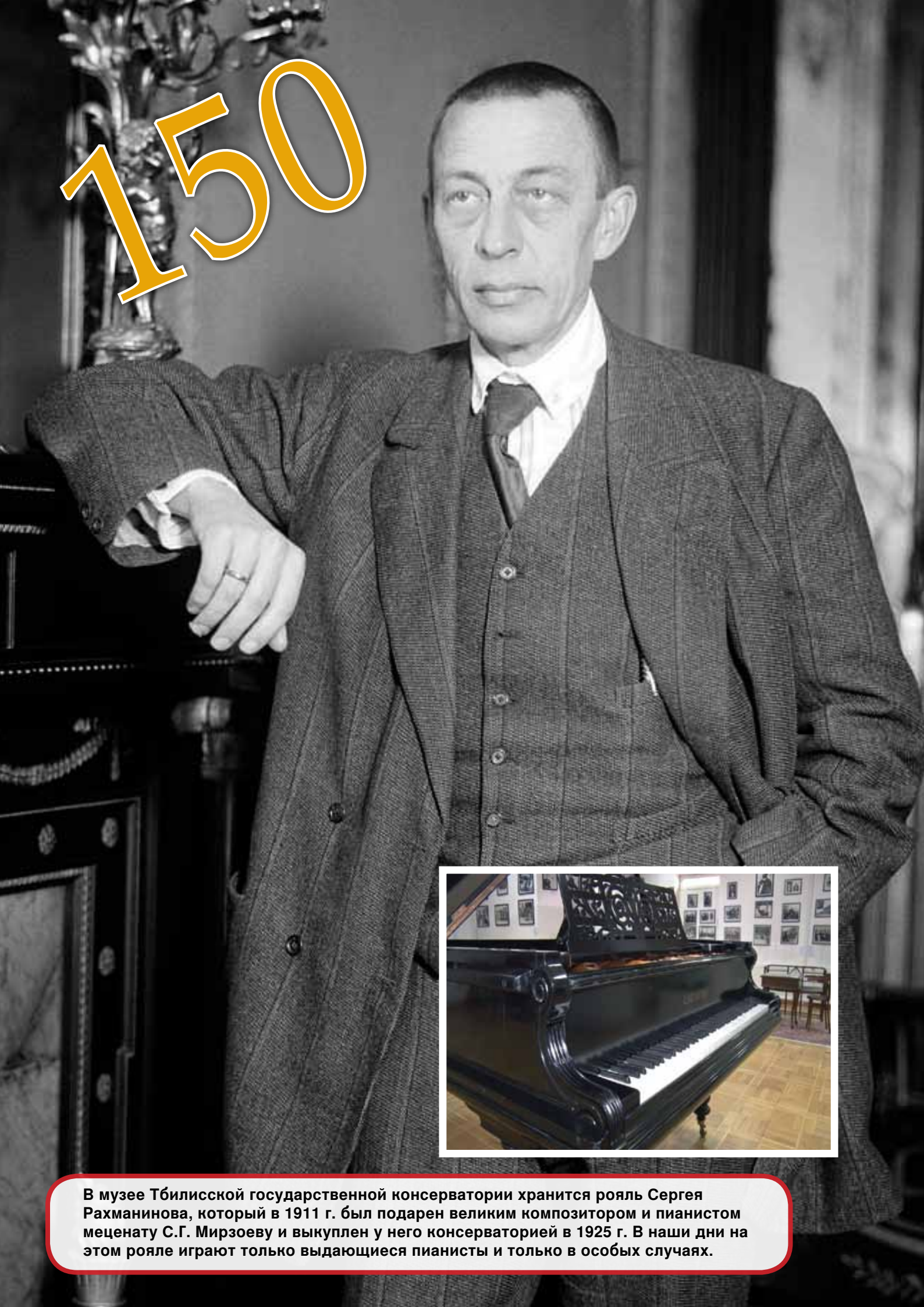

Стр. 6

**ТРАДИЦИЯ ИДЕТ
ИЗДАЛЕКА**

200

150

В музее Тбилисской государственной консерватории хранится рояль Сергея Рахманинова, который в 1911 г. был подарен великим композитором и пианистом меценату С.Г. Мирзоеву и выкуплен у него консерваторией в 1925 г. В наши дни на этом рояле играют только выдающиеся пианисты и только в особых случаях.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4⁽²¹⁰⁾
Апрель 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ТРАДИЦИЯ ИДЕТ ИЗДАЛЕКА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 16 ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАЛИКО ХВИНГИАДЗЕ
РЕЗО ЧЕИШВИЛИ
ПЕРЕВОД КАМИЛЛЫ МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 22 ЭТО ВСЕ ПРО ЛЮБОВЬ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 25 ПАЛИТРА ЦВЕТОВ РАМАЗА РАЗМАДЗЕ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 29 ДЛЯ НЕУДАЧИ НЕТ ШАНСА
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 34 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 40 «Я ВОСПЕВАЮ КРАСОТУ»
НИНА ШАДУРИ
- 44 ДИАЛОГИ С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ
ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ
АНДРЕЙ МАРУДЕНКО
- 49 А НА ДАЧЕ – ВСЕ ИНАЧЕ
СВЕТЛАНА СИНАТАШВИЛИ
- 53 40 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
ТАМАР МЕСХИ-МОДЕБАДЗЕ

На обложке – В.Г. Перов. Портрет А.Н. Островского. 1871

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ MUSIKDIREKTOR МИРА

Сто пятнадцать лет назад в Зальцбурге, родном городе Моцарта, появился на свет великий дирижер XX века Герберт фон Караян. Он происходил из семьи Караяннисов, имеющей греческие корни из провинции Македония. Его предки были удачливыми предпринимателями, получившими в XVIII веке за свою деятельность от курфюрста Саксонии Фридриха Августа III рыцарский титул за развитие текстильной промышленности. Настоящее имя дирижера Гериберт Риттер фон Караян. Его отец был врачом-хирургом и директором главной больницы в Зальцбурге, а также музыкантом-любителем. Своего второго сына Герберта он также направил на музыкальную стезю. И тот оказался очень талант-

ливым от природы. Начинал Герберт как исполнитель на фортепиано, но хронический тендинит, поразивший пальцы Караяна, не дал ему реализовать себя в качестве пианиста. Его педагог Бернхарт Паумгартнер посоветовал юноше попробовать себя в качестве дирижера, и это оказалось замечательной идеей – фон Караян оказался гениальным интерпретатором и интересным руководителем оркестра. Но с музыкантами он был настоящим тираном, не позволявшим никакой вольницы. В итоге, в течение всей своей творческой жизни, Герберт фон Караян был, как говорили остроумцы, «музыкальным директором мира», самым авторитетным дирижером своего времени, сменившим Вильгельма Фуртвенглера на посту руководителя Берлинского филармонического оркестра, который и возглавлял на протяжении 35 лет. А начинал молодой дирижер в конце двадцатых годов. Он перебрался в Берлин и попробовал построить карьеру, для чего даже подал заявление о вступлении в НСДАП. Приняли его не сразу из-за еврейских корней второй жены. Даже завели уголовное дело – вероятно, требовали развестись, но Герберт не предал супругу. Ему грозили в качестве наказания отправить на фронт, но, в итоге, оставили в покое. И даже гордились им, называя «Чудо-Караяном». Фашистом он оказался не очень правоверным и весьма непоследовательным, хоть и старался угодить власти, частенько исполняя «Хорста Весселя» в своих концертах. Но ему давали записываться на «Дойче граммофон» и сделали в 1935-м самым молодым Генеральным музыкальным директором Германии. После войны ему, конечно, досталось за сотрудничество с нацистами. Но вскорости он с успехом продолжил музыкальную карьеру в разных странах, с разными оркестрами и исполнителями, оставив после себя одну из самых обширных дискографий классической музыки. В личной жизни фон Караян тоже был неординарным человеком. Он был женат трижды, в последний раз – на барышне на тридцать лет младше. С ней он счастливо прожил последние 31 год жизни, народив двух дочерей. Он был красив и в молодости, и в зрелости. Хороший спортсмен, он играл в теннис, катался на горных лыжах, ходил на яхте, водил гоночный автомобиль. Очень элегантно одевался и был в известной мере щеголем. Но главное, он был гениальным музыкантом и обладал непостижимой способностью «всецело завладевать вниманием музыкантов и публики, передавать им невидимые токи, рождаемые музыкой».

ДУЭЛЬ МИНЬОНОВ

На краю парижского парка Турнель, когда-то стоявшего на месте знаменитого элитного квартала Маре (в переводе – «болото», оно было осушено еще в 12 веке рыцарями-тамплиерами), там, где сейчас располагается красивая и уютная площадь Вогезов, 27 апреля 1578 года произошла так называемая Дуэль миньонов. Об этом событии мы все читали в романе Александра Дюма «Графиня де Монсоро». Но лихой сочинитель, как обычно, значительно отошел от реальной истории. Прежде всего следует объяснить, кто такие миньоны. В переводе с французского это «милашки», молодые миловидные юноши. Иногда так называли людей нетрадиционной ориентации. У французских королей часто появлялись фавориты, или миньоны. Но они, скорее всего, были просто близким кругом друзей, которым монархи оказывали покровительство, одаривали титулами и владениями, удовлетворяли их капризы, вставали на их сторону, когда те с кем-то ссорились. У короля Генриха III тоже был такой круг, состоявший из примерно десятка приятных ему друзей. Враги и завистники приписывали королю порочные связи с ними, но достоверных тому доказательств нет. Напротив, его миньоны были веселыми молодыми дворянами, любившими застолья, маскарады и романы. Они эпатировали публику и, шокируя общественный вкус, носили женоподобную одежду, бусы, серьги и другие драгоценности, завивали волосы и наносили на лицо макияж. А еще – устраивали веселые проделки и розыгрыши, затевали кучу скандалов, задирали других придворных и были заносчивыми гордецами. Но однажды они очень неудачно поссорились с друзьями политического конкурента короля

– герцога де Гиза. Состоявшаяся битва миньонов и гизаров привела к трагедии и вошла в историю.

Их называли французскими Горациями и Куриациями – древнеримскими героями, вступившим в бой между собой, чтобы разрешить извечный конфликт новой столицы Рима и древней Альбы-Лонги за первенство. Трое Горациев и трое Куриациев были близнецами, тройняшки бились против тройняшек, а к тому же противники приходились друг другу кузенами. Остался, как известно, только один Публий Гораций. Но абсолютным героем он так и не стал, ибо в горячке после боя зарезал свою сестру, позволившую себе оплакать убитого Куриация, бывшего ее женихом. Вот такие были раньше дикие нравы. История ссоры шести французов, их драки и произошедших убийств на самом деле не лучше. Тем более они не сражались за родину и не за политику своих хозяев – дело было в женщине. Кто-то позволил себе публично проехать по нравам одной записной красавицы, прозрачно намекнув на ее распущенность и доступность, а кто-то возмущился этим. Дуэль должна была состояться рано утром в парке, поблизости от опустевшего королевского дворца – королева-мать Екатерина Медичи к тому времени уже начала строить Лувр. Ей было неприятно жить в месте, где на рыцарском турнире погиб ее муж Генрих II. Итак, в парке встретились двое поссорившихся молодых красавчиков с двумя парами секундантов. Оружием избрали тяжелые шпаги с кинжалами. По закону секунданты должны были попытаться примирить врагов, но они тоже перессорились между собой и тоже решили драться – и пар стало три. Ну, а дальше – почти как в романе. Можирон и Шомберг погибли на месте, Рибейрак – через сутки, а любимый друг короля Келюс получил 19 ударов кинжалом и умер от ран через месяц. Раненого, но выжившего Ливаро трагедия ничему не научила – он погиб на дуэли три года спустя. Остался в живых только один д'Антраг, которого простили, очевидно, за то, что он помогал Генриху сбежать из Польши, где тот около года «работал королем». Его величество искренне горевал о своих любимцах и не очень преследовал выживших. Он даже с честью похоронил погибших, построив пафосный надгробный памятник, который, впрочем, не пережил хаоса Великой французской революции. Но что особенно печально – снисходительность короля сделала дуэли негласно разрешенными, несмотря на все официальные запреты.

«ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ РОЖА» ВЕЛИКОГО ШАНСОНЬЕ

Великому французскому шансонье второй половины двадцатого века Сержу Генсбурю этой весной исполнилось бы 95 лет. Он появился на свет 2 апреля 1928 года в VI округе Парижа в семье эмигрантов из России. Настоящее имя его – Люсьен Гинзбург, и, кстати, он вполне прилично владел русским языком – в семье разговаривали только по-русски. Имя Серж он взял в честь великого русского композитора Рахманинова, а фамилию чуть изменил по просьбе своих импресарио. Его отец, Иосиф, был пианистом в русских кабаке и ресторанах, а мать пела в Российской консерватории. Люсьена и его сестру-близнеца Иосиф начал обучать игре на фортепиано с самого детства, но сын был нерадив, занимаясь больше рисованием и живописью. Люсьен даже учился в академии живописи на Монмартре. Когда немцами оккупировали Париж, и Гинзбургам как евреям пришлось носить желтую звезду, родители уехали с детьми в провинцию, где легче было спрятаться от вездесущего гестапо. Люсьену даже пришлось несколько месяцев жить в двадцати километрах от Лиможа в колледже Модерн де Гарсонс под именем Люсьен Гимбар. Но в 1944 году родители все-таки попались немцам, и их оставили под подпиской о невыезде из Парижа, в ожидании отправки в концлагерь. Но робкие люди все-таки решились на риск и сбежали в Сен-Сир, сумев спасти себя и детей. После освобождения Парижа семья вернулась, счастливо избежав облав, депортации, конфискации и расстрела. Им повезло: благодаря добрым соседям, они нашли в неприкосновенности свою квартиру и свою мебель. Дети вернулись в школу, началась новая послевоенная жизнь. Люсьен не стал больше заниматься живописью, а устроился учителем в детский приют и в свободное время начал заниматься музыкой, благо зачатки образования получил в семье. Выяснилось, что он недурно сочиняет стихи и песни. И с начала 50-х годов Люсьен пошел по стопам отца и стал пианистом в джазовом баре, где понемногу пристраивал свои песни у клубных певцов, а потом и пел их сам. Так он становится Сержем Генсбуром, впоследствии – знаменитым французским поэтом, композитором, автором и исполнителем песен, а также киноактером, кинорежиссером и киносценаристом. Хотя в начале карьеры он делал буквально все, чтобы вызвать в публики отторжение. У него была

непривычная манера исполнения, а у его песен – провокационное содержание. Плюс ко всему Серж имел малопривлекательную внешность. Он называл свое лицо «отвратительной рожей», с юности не мог видеть ее в зеркале и искренне ненавидел свой крючковатый нос и оттопыренные уши. А еще он сквернословил, пил и устраивал вызывающие шоу на концертах и телевидении. Но публика в него влюбилась – Серж был великолепен, харизматичен и нереально талантлив. И он ни на миллиметр не изменил ни своего поведения, ни своей жизненной позиции. Его чуть не прибили ветераны войны, когда он в стиле регги издевательски спел «Марсельезу». Или когда он в прямом эфире прикурил от пятисотфранковой купюры, или когда заявил не понимающей французского языка

американской певице, что не прочь с ней переспать, потребовав, чтобы ей это дословно перевели. Его обожала не только публика, но и прекрасные женщины – княгиня Франсуаз-Антуанетт Панкрацци, Катрин Денев, Брижит Бардо, Изабель Аджани, Каролина фон Паулюс, юная Ванесса Паради и, конечно, его главная муза и гражданская жена англичанка Джейн Биркин, мать его знаменитой дочери, прекрасной актрисы Шарлотты Генсбур.

Кроме своих бессмертных песен, которые президент Франции Миттеран назвал достоянием нации, Серж Генсбур подарил всему миру довольно спорную моду на трехдневную щетину, памятный плащ до полу и прилипшую к губе сигарету. Этот эпатажный гений прожил немного больше шестидесяти, имея скверные привычки, не заботясь о своем здоровье, много куря и употребляя немало горячительных напитков. Во Франции Серж Генсбур – настоящая легенда, один из самых почитаемых музыкантов.

ТРАДИЦИЯ ИДЕТ ИЗДАЛЕКА

К 200-летию со дня рождения Александра Островского

Инна БЕЗИРГАНОВА

27 июня 1883 года на сцене Тифлисского казенного театра прошел бенефис Гликерии Федотовой в спектакле «Гроза»: знаменитая актриса выступила в роли Катерины и имела бешеный успех у публики. Судя по рецензии газеты «Кавказ», зрителей, помимо высокохудожественной игры Г.Н. Федотовой, поразил актерский ансамбль и «детальность» в постановке, чем тифлисская публика была отнюдь не избалована.

Вскоре в Тифлис приехал сам драматург, прибыл он вместе с братом – статс-секретарем, министром государственных имуществ. Грузинская театральная общественность устроила Александру Островскому торжественный вечер. Грузинская труппа сыграла второй акт комедии «Доходное место». В своем дневнике Островский отмечал «умную и проникновенную игру» актеров.

Выдающийся актер Васо Абашидзе обратился к драматургу с речью, в которой выражались искренние чувства передовой грузинской интеллигенции. В частности, В. Абашидзе сказал: «Мы бесконечно счастливы, что на нашу скромную долю выпала честь послужить, при помощи ваших творений, одним из звеньев духовной связи между двумя народами, имеющими столько общих тра-

диций и стремлений, столько взаимной любви».

В своем письме от 22 октября 1883 г. А. Островский красноречиво описал свои «грузинские» впечатления:

«Милая Маша, ... опишу тебе спектакль, который давали для меня грузины в Тифлисе, в театре, в караван-сараях Арцруни. Вход и лестница в караван-сарай были иллюминированы; против входа, в самом караван-сараяе, был поставлен убранный зеленью и цветами транспарант с моим вензелем. На лестнице я был встречен предводителем дворянства Магаловым. У входа на улице, на лестнице и по галереям караван-сарая, по которым надо было проходить до театра, стояла несметная толпа народа. Когда я вошел, галереи осветились бенгальскими огнями, и грузинские музыканты заиграли на дудках и барабанах что-то вроде марша. Для меня была приготовлена средняя ложа, она была убрана зеленью, которая гирляндами спускалась донизу. При моем входе в ложу поднялся занавес, грузинская труппа в национальных костюмах была на сцене; режиссер труппы прочел, обратясь ко мне, приветственный адрес, очень тепло и умно написанный, грузинский поэт Цагарели прочитал свое стихотворение на грузинском языке; затем под аккомпанемент театрального оркестра труппа за-

пела по-грузински многолетие; вся публика встала и обратилась к моей ложе; многолетие, по требованию, было повторено. Я, разумеется, раскланивался и благодарил публику и артистов. В ложе со мной сидели: Михаил Николаевич со своей свитой и предводитель Магалов, который служил нам переводчиком. В начале шло «Доходное место» 2-й акт, на грузинском языке. Роли Фелисаты Герасимовны, Полины и Юсова были исполнены очень

Наталья Бурмистрова, Елена Килосанидзе, Ариадна Шенгелая
в роли Ларисы Огудаловой

Верико Анджапаридзе – Лариса

хорошо. По окончании опять овации и рукоплескания, так что я устал раскланиваться. В антракте представители труппы принесли в ложу адрес, который читался со сцены, и лавровый венок от грузинских артистов. Потом шли две небольшие пьесы, из которых одна чисто бытовая из грузинской крестьянской жизни: изображалось что-то вроде сговора или рукоблудья с грузинской музыкой, песнями, плясками и всеми обрядами. Очень интересное представление. В заключение, вместо дивертисмента, грузин и грузинка танцевали

лезгинку. При выходе моем из театра были также овации, что и при входе. Сегодня я проснулся в Батуме здоровый и веселый; воздух так мягок и хорош для моей груди, что я дышу не надыхусь. Виды такие приятные, что никакая Италия с ними не сравнится. Теперь уж не пиши больше в Тифлис, я тебя извещу, куда надо писать. Целую тебя и детей. Твой А. Островский».

Спектакль «Доходное место», показанный в 1883 году, не первое обращение представителей творческой интеллигенции Грузии к драматургии Островского. За пять лет до визита Александра Николаевича, в 1878 году, в будущем знаменитый, а тогда начинающий грузинский актер и режиссер Котэ Месхи вместе с актрисой, одной из организаторов Кутаисского профессионального театра Ефросиньей Клдиашвили, сыграли комедию «Доходное место». Котэ Месхи выступил в роли Жадова, Ефросинья – Кукушкиной. Текст Островского перевели на грузинский Александр Чичинадзе и Илья Микеладзе. В прессе высоко оценили спектакль, в котором приняли участие лучшие актеры грузинской сцены. «И среди них – Ефросинья Клдиашвили, которая не только на нашей любительской сцене, но и на любой мировой сцене могла бы занять значимое место благодаря своему театральному таланту. 23 апреля она вышла в роли Кукушкиной, которую сыграла очень хорошо. Ни в одном слове, ни в одном движении нельзя было угадать, что свою роль она выучила наизусть. Казалось, что она выражает собственные мысли, в своем доме, со своими

детьми».

А в тот памятный приезд Островского сыграли спектакль не только на грузинском, но и на русском языке – правда, силами любителей. Это была комедия «Не в свои сани не садись», представленная кружком Исая Егоровича Питоева, позднее преобразованным в знаменитое Артистическое общество.

Со спектаклями по пьесам Островского Тифлис часто посещали известные гастролеры. Приведу информацию, почерпнутую из старинных афиш и программ – они хранятся в Грузинском музее театра, кино, музыки и хореографии. В 1892 году «придворная артистка Санкт-Петербургских императорских театров» Полина Стре-

Екатерина Сатина в роли Мурзавецкой

Софико Чиаурели в роли Негини

петова выступила на сцене Тифлисского казенного театра со спектаклем «Бедная невеста». В 1899-м кумир публики Мамонт Дальский показал в Тифлисе «Женитьбу Белугина», а спустя одиннадцать лет приехал в Грузию со спектаклем «Без вины виноватые».

15 июня 1901 года на сцене Казенного театра «обществом артистов Императорского Московского Малого театра под управлением Ф.А. Правдина» была показана «Гроза», на следующий день состоялся бенефис П.О. Васильева в спектакле «Бесприданница», 21 июня – бенефис артистки А.Т. Поляковой в «Лесе». А 22 июня на тифлисской сцене уже блистала Александра Александровна Яблочкина – были представлены «Бешеные деньги».

В 1901-м году спектакли «Бешеные деньги», «Свои люди – сочтемся», «Правда – хорошо, а счастье – лучше», «Женитьба Белугина», «Бесприданница» сыграли для тифлисской публики артисты Товарищества русских драматических артистов под управлением Л.К. Людвигова.

В 1906-м состоялась гастроль «царя русского смеха» Константина Александровича Варламова со спектаклем «Не в свои сани не садись», в том же году артист П.Г. Баратов вместе с Русским драматическим кружком показал «Новое поколение».

В 1916-м в Тифлисе со спектаклем «Бешеные деньги» гастролеровали «заслуженный артист Императорских театров А.И. Южин» и «артистка Императорского театра А.А. Левшина», а Товарищество артистов русского театрального общества (ТАРТО), организованное в Тифлисе в 1915 году Александром Тугановым, показало «Волки и овцы» в постановке Франца Гловацкого.

ОСТРОВСКОГО ОТКРЫВАЮТ ГРИБОЕДОВЦЫ

Русский театр имени Грибоедова, по укоренившейся в Грузии традиции широко отразил в своем репертуаре творчество Александра Островского. В 1936 году был выпущен спектакль «Волки и овцы». Его поставил Абрам Рубин, создав большое сценическое полотно. В роли Мурзавецкой выступила опытная характерная актриса Екатерина Сатина. Она сыграла властную женщину, прибегающую ко всевозможным махинациям, чтобы улучшить свои расстроенные денежные дела, и сумевшую стать первой персоной в губернии. «Ханжество, беспринципность и властность, наглость и трусливость – вот какие контрасты! Я старалась как можно выразительнее показать все хищные повадки этого «матерого волка» при строгом, почти монашеском внешнем облике», – вспоминает актриса.

Большой удачей была признана и другая постановка Абрама Рубина – «На всякого мудреца довольно простоты» (сезон 1939-1940). Критики оценили ее как итог работы грибоедовцев по освоению наследия драматурга. Театр прочел комедию как сатиру огромной обличительной силы, как страстный памфлет против приспособленчества и карьеризма. Пресса отмечала, что спектакль «смело может занять место в истории освоения драматургического наследия А. Островского на советской сцене».

«Последняя жертва» была третьим рубинским опытом постижения творчества русского драматурга на грибоедовской сцене. В период Великой Отечественной войны вышел «спек-

такль большой познавательной и эстетической силы, заслуженно пользующийся успехом у зрителя» – «Последняя жертва» А. Островского. Тугину блестяще сыграла актриса Варвара Алексеева-Месхиева. Восторженно написал об этом спектакле Абрама Рубина и работе актрисы известный грузинский критик Бесо Жгенти: «Успех спектакля в большой мере обусловлен замечательной игрой В.В. Алексеевой-Месхиевой, исполняющей центральную роль пьесы – Юлии Павловны Тугиной. В этой роли актриса во всей полноте показала свое актерское дарование, богатство, тонкость и яркость средств сценического выражения мысли, умение глубоко вникнуть в природу роли, разработать ее до последних деталей... С первого же появления на сцене Варвара Алексеева-Месхиева рисует выразительный драматический образ, пронизанный глубокой печалью, предчувствием обреченности. Юлия самоотверженно борется за свои права на счастье и любовь. Она идет на всякие жертвы, проявляя исключительную силу воли в преодолении препятствий. Когда Юлия узнает, что она жестоко обманута и оскорблена, В.В. Месхиева с предельной остротой передает состояние до глубины потрясенной, разочарованной души. Здесь артистка достигает высшего предела драматического напряжения в своей игре. Ее слова «ограблена и убита. Я нищая, обиженная совсем... За что же они еще смеются надо мной?» – звучат как вопль негодующей души, проклинающей суровое и мрачное окружение своего времени».

Абрам Рубин по-новому подошел к этой пьесе Островского – представил ее как комедию, хотя обычно «Последнюю жертву» ставили как драму. По словам режиссера, основная мысль пьесы заключается в реплике: «Только люди с большим состоянием имеют право на страстную любовь». Абрам Рубин раскрывал в своей постановке иронический подтекст этих слов.

В тот же период на грибоедовской сцене Островского поставил Георгий Александрович

Товстоногов – он тогда делал первые шаги в режиссуре и только формировался как большая творческая личность, но спектакль получился блистательный. Екатерина Сатина вспоминала: «Поставленная Г.А. Товстоноговым пьеса Островского «Бешеные деньги» с успехом прошла на нашей сцене сто с лишним раз».

В период Великой Отечественной грузинская трагическая актриса Верико Анджапаридзе сыграла Ларису Огудалову в спектакле Вахтанга Таблишвили «Бесприданница» на грузинской сцене – в театре имени Марджанишвили.

Спустя три десятилетия, в 1972 году, на тбилисской русской сцене поставил свой дипломный спектакль «Бесприданница» выпускник Московского театрального училища имени Щукина Геннадий Портер. В роли Ларисы Огудаловой выступали две ведущие актрисы театра Грибоедова – народная артистка Грузии и России Ариадна Шенгелая и народная артистка Грузии Елена Килосанидзе. Они играли в очередь, и каждая вносила в образ свою неповторимую индивидуальность.

Для Елены Килосанидзе участие в спектакле «Бесприданница» стало исполнением мечты. «Мы стремились решить пьесу не как бытовую драму, а придать спектаклю трагическое звучание. Это заявлено уже в самом начале – музыкой из «Манфреда» Чайковского, сценой у обрыва. Моя Лариса – героиня не только потому, что в центре пьесы ее судьба, – она стоит в нравственном отношении выше других. Она верит, что брак с Карандышевым – спасение от пошлости, меркантильности окружающего. Однако живет она по-настоящему, дышит полной грудью только тогда, когда рядом – Паратов. Поэтому Лариса без колебаний принимает его предложение ехать на Волгу. Последующая сцена – это конец Ларисы, гибель всех ее надежд. Но я не стремилась вызвать жалость к своей героине. Трагедия не унижает, а поднимает ее», – поделилась актриса своими размышлениями сразу после премьеры.

Лариса Огудалова в исполнении Ариадны Шенгелая была человеком глубоких чувств, доверчивым, искренне верящим в добро и готовым на все ради любви. Актриса подчеркивала невинность и трепетность своей героини. Любовь ее чиста и бескомпромиссна. Предательство Паратова настолько потрясает Ларису – Шенгелая, что приводит к мысли о смерти. Создав вначале лирический образ своей героини, актриса позднее обогатила его глубоким драматизмом.

«ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ» ПО-ГРУЗИНСКИ

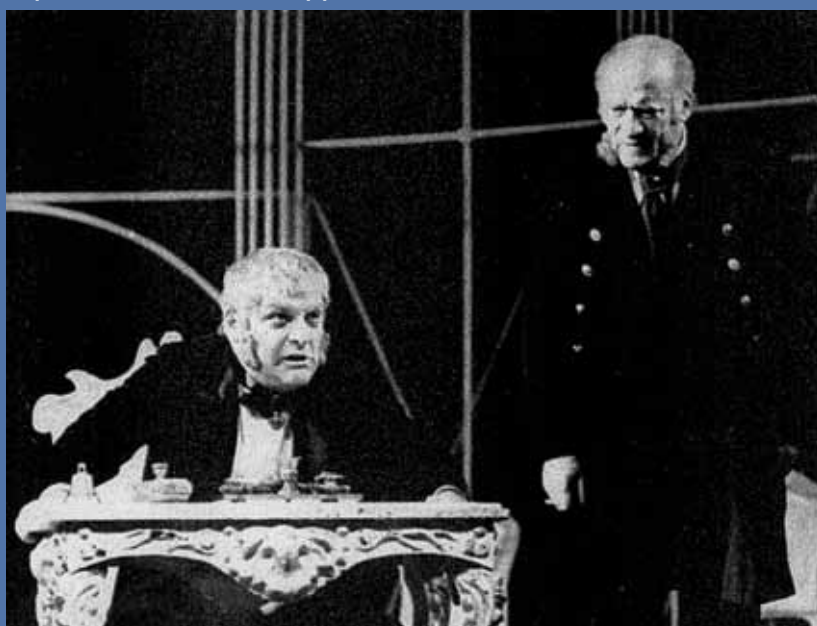
В 1972 году режиссер Дмитрий Алексидзе поставил «Таланты и поклонники» на сцене театра К. Марджанишвили (см. выше). Театровед Этери Гугуашвили увидела в этом нечто закономерное и глубоко последовательное. «Островский с его талантом проникать в самые сложные жизненные конфликты, с его умением показать на сцене жизнь, с его многоплановостью и контрастностью, быстрыми переходами от остро сатирического до глубоко драматического, с психологической утонченностью характеров героев – такой Островский всегда был близок грузинскому актеру и грузинскому зрителю. Традиция идет издавна», – отмечает она.

Додо (Дмитрий) Алексидзе поставил романтическую драму. Главной в спектакле стала тема

театра, тема высокого и преданного служения искусству. Об этом пишет М. Друзина: «Где бы ни происходило действие, об артистическом призвании Негиной напоминала скупая по очертаниям рельефная заставка: здание театра с белыми колоннами на черном фоне. Негину играла Софико Чиаурели. Взятый ею высокий тон, исполненный ощущения святости искусства, определил строй и стиль спектакля. Душевная хрупкость, почти детская беззащитность перед жизненными обстоятельствами соединялись в Негиной – Чиаурели с твердой убежденностью в том, что без сцены ее жизнь невозможна. Не было речи о какой-либо вине Негиной, об уступке, о компромиссе. Крепнущая вера в свое призвание, ощущение ответственности за дарованный талант руководили поступками героини».

Как подчеркивают критики, режиссер Додо Алексидзе и художник Мамия Малазония пошли по пути разрушения догм. На сцене Островский с его эпохой, с неповторимым своеобразием атмосферы действия его пьес. «И вместе с тем это Островский, увиденный современным театром, с его особым ритмом, стилем игры и стилем оформления. С условностью, которая, быть может, во времена Островского выглядела бы неестественно и вычурно, но сегодня смотрится, и весь спектакль – живой, ритми-

Борис Казинец и Михаил Иоффе в спектакле «Доходное место»

чески отточенный, психологически насыщенный, ансамблевый. Детали обстановки не уточняются с дотошностью. Здесь важно не место действия, а общая его атмосфера, одухотворенное стилевое единство». Этому способствовало и музыкальное (его авторы композиторы О. Такакишвили и Ш.Шилагадзе), и пластическое решение (хореография Ю. Зарецкого) спектакля.

Звезда театра и кино Софики Чаурели создала интересный образ Негиной. «Исполненная благородства и одержимая любовью к сцене – такова героиня спектакля. Это вполне по Островскому. Актриса следует характеристике, данной драматургом. Что вносит она от себя? Пожалуй, это ее трепетность, порывистость, душевная хрупкость. С. Чаурели не старается играть ермоловский образ. В ее Негиной вовсе нет «солидности», скорее – больше детскости, непосредственности. Они живут в ней все время в жестоком единоростве – внутренняя сила и слабость, бескомпромиссность и сомнения, решительность и робость, ускользание и вспышка надежд. Здесь настоящая большая правда. Так могла сыграть только очень опытная актриса», – считает Этери Гугушвили.

«ДОХОДНОЕ МЕСТО»: ВЕЧНО АКТУАЛЬНО

Интерес к современному материалу на какое-то время вытеснил из репертуара театров классику, Островский уступил место драматургам нового времени. Так, русский театр Грибоедова возвращается к Островскому

только через пятнадцать лет после премьеры «Бесприданницы». В 1987 году Гига Лордкипанидзе выпускает на тбилисской русской сцене «Доходное место» А. Островского, и одна из рецензий на новый спектакль так и называется – «Возвращение к Островскому». Причем режиссер предложил новый взгляд на вечную классику.

«На сцене жизнь «столпов хищного общества» протекает как бы в двух плоскостях (художник А. Чхаидзе, костюмы Е. Донцовой). Созданы легкие павильоны: в «верхнем этаже» обретается элита, сам генерал Вышневицкий, а под ним располагаются «ничтожества» – его подчиненные, бедная мещанка Кукушкина, там же трактир и, наконец, жалкое пристанище Жадова. И если в «верхних сферах» все чинно, холодно – мертво, безлюдно, – внизу кипит жизнь, страсти, и снизу вверх к доходным, богатым должностям тянутся юсовы, белогубовы и им подобные. Спектакль отличается внешним лаконизмом, постановщика не интересуют бытовые подробности, хотя сохраняется историческая обусловленность событий комедии. Создатели спектакля показывают, как обыденная жизнь может быть страшной и жуткой...» По мнению автора рецензии Надежды Шалуташвили, обращение к Островскому было «велением времени», отражением «критического настроения», которым жило общество, начиная со второй половины 80-х годов прошлого столетия. «В Островском они увидели со-

юзника в борьбе с косностью, мздоимством, мещанством, духовным вырождением».

«Доходное место» и сегодня, как и 160 лет назад, привлекает внимание режиссеров и театров Грузии. В 2012 году пьесу поставил Георгий Сихарулидзе. Это был курсовой спектакль для целевой группы подающих надежды актеров, специально созданной для Кутаисского театра имени Ладо Месхишвили. Режиссер отмечает вечную актуальность поставленных Островским вопросов: «Я люблю Островского – на нем можно вырастить новое поколение актеров, поставить их на правильный путь. Потому что его драматургия – уникальный материал для наращивания профессионализма, умения создать художественный образ с использованием богатой палитры. С молодыми актерами мы прошли трудный, но интересный путь постижения».

«ГРОЗА»: ПОКАЯНИЕ

В 2012 году впервые на грибоедовской сцене молодой режиссер Вахтанг Николава поставил спектакль «Гроза» А. Островского. Темы, идеи этого произведения оказались, как всегда, созвучны новым реалиям нашей жизни.

Вот как все было увидено автором этих строк на премьере:

«Режиссер-постановщик создал на сцене атмосферу скрытой агрессии и тревоги. Такое ощущение рождает у зрителей, в большой степени, спиленная часть ствола дерева – по сути, это плаха (сценография В. Николава). Плаха, к которой прикреплен топор. На цепь «посадили» потенциальное оружие убийства механик-самоучка Кулигин (Олег Мчедlishvili) – книжник, философ, в спектакле грибоедовцев почти спившийся человек, тем не менее, старающийся удержать агрессию жителей небольшого приволжского городка Калинова. В возбуждении за топор хватаются многие персонажи спектакля, но цепь не позволяет развернуться их разрушительным эмоциям. Впечатляет сцена с Диким (Михаил Арджеванидзе), когда он в ярости пытается сорвать топор с цепи и тащит за собой «пла-

«Гроза». София Ломджария в роли Катерины

ху»... За топор не раз берется разъяренная Кабаниха (Ирина Мегвинетухцеси). В одной из сцен она дает выход своим до поры до времени сдерживаемым «бесам», чтобы проучить вороватую девку Глашу (Нина Калатозишвили), — кладет на «плаху» завернутые в тряпку украденные часы и в каком-то безумии топором разбивает их. В эпизоде свидания Варвары (Анна Николава) и Ваньки Кудряша (Василий Габашвили) «плаха» превращается в ложе любви, а в финале на нее кладет голову признавшаяся в измене Катерина (София Ломджария). С этого «лобного» места звучит и знаменитый монолог: «Отчего люди не летают так, как птицы?» Монолог Катерины вообще решен очень выразительно. Сначала она обращает свой мучительный вопрос «отчего люди не летают?» мужу Тихону (Иван Курасбедиани)... В следующей сцене эти слова повторяются, но произносит их не только Катерина, но и Варвара. При этом из их рук сыплется древесная мука, что вызывает ассоциации с песочными часами, а значит — мысли о бренности бытия, быстротечности жизни... Но не только это: струящийся из ладоней «песок» — это и ощущение свободы, невесомости полета, мечты о счастье. Обе героини (удачные работы актрис), конечно, по-разному, мечтают о любви и воле, но над ними «висит», как Дамоклов меч, перевернутое ведро. Оно вроде бы должно напоминать колокол, но в спектакле это, скорее, символ диктатуры, несвободы. Варвара изо всех сил бьет по железному монстру, словно бросая вызов тираническим устоям общества. В постановке соединяются христианская традиция и язычество, его символы — огонь, вода. Вода, легенды об очистительной силе которой бытуют в культуре многих народов, присутствует на сцене — ею как бы смываются, гасятся негативные эмоции... Не менее выразительна в спектакле стихия огня — через разожженный костер перепрыгивает молодежь, что обычно происходило на праздник Ивана Купалы — в мистический и очень красивый день, связанный с са-

мой сильной движущей силой человечества — любовью, страстью, сексуальным влечением. В этот водоворот страстей вовлечены героини спектакля — Катерина, опьяненная влюбленностью в Бориса Григорьевича (Арчил Бараташвили играет «лишнего человека» — вполне в русской культурной традиции), и неудержимая в своих желаниях Варвара. Очень красива сцена развешивания белья... Белый цвет — знак целомудрия и невинности. Звучит русская народная песня «Разлилась речка быстрая» (автор музыкального решения спектакля — В. Николава). В духе язычества и появление полусумасшедшей барыни, предсказывающей трагические события, апокалипсис (острое, неожиданное исполнение заслуженной артистки Грузии Людмилы Артемовой-Мгебришвили). То же самое «носом чует» слепая странница, юродивая Феклуша (интересная работа Нины Нинидзе), таскающая за собой обувь самоубийц... Позднее к ним прибавятся туфли Катерины.

Герои спектакля жаждут любви и понимания, однако, задавленные жестокой реальностью, они не способны услышать друг друга, и потому очень одиноки... Тема заявлена и в том, как решены образы традиционно отрицательных персонажей — Кабанихи и Дикого. В исполнении Ирины Мегвинетухцеси Кабаниха — трагическая фигура. Это, в первую очередь, мать, которая тревожится за свое обожаемое чадо — сына Тихона и болезненно ревнует его к жене. Она настолько ослеплена ревностью, что даже не отдает отчета своим поступкам. Но это не только деспотичная мать, но и женщина с неизжитыми желаниями, недолюбленная, несчастная. Мы можем только догадываться о том, как сложилась жизнь молодой Кабанихи в «темном царстве». Будучи «палачом», Кабаниха — Мегвинетухцеси является в то же время жертвой этого мира. Так же «ужасен» и одновременно «несчастен» Дикой, если можно говорить о несчастье человека, угнетающего всех вокруг.

А возмездие — возмездие для

«Поздняя любовь». Наталия Воронкова в роли Людмилы

всех! — происходит в финале. На сцену буквально врывается стихия: ураганный ветер, готовый смести все на своем пути. Дождались... Тоже в духе нашего времени, когда учатившиеся природные и иные катаклизмы воспринимаются как кара небесная за грехи человечества».

Симптоматично, что сравнительно недавно в Тбилиском университете театра и кино имени Ш. Руставели вновь обратились к Островскому — его «Грозе». Дипломный спектакль со своими воспитанниками поставила Нина Липартиани.

В 2016 году грибоедовцы показали «Позднюю любовь». Режиссер Нугзар Лордкипанидзе увидел в этом произведении не бытовую, а поэтическую составляющую. Он стремился сделать спектакль не приземленным, а возвышенным и романтическим, но в то же время строгим и графичным.

«Поздняя любовь или ранняя, разве это важно? Любящие всегда молоды, а поздняя она у Островского не потому, что любят старики, а потому, что герои с опозданием прозрели. Но, несмотря ни на что, именно любовь в итоге помогла им найти истину», — говорил режиссер.

Может быть, когда-нибудь это произойдет и со всеми нами?

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

РОДНЫЕ ДОЛИНЫ И ГОРЫ Часть вторая

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

ПОЛЕТ НАД ГРУЗИЕЙ

Это письмо мне понравилось. Особенно обращение – «милый брат» – оно брало за душу.

Я тут же засел за ответ, но призадумался. Запавших в душу впечатлений хватало, и я готов был поделиться ими. Но что я мог рассказать о Грузии, ее разных уголках? Ведь, кроме имеретинской деревни, я только разок был на море и однажды зимой в Бакуриани... Не по учебнику же живописать наши долины и горы!

Полистал фотоальбомы, туристические путеводители, да и пошел опять к тете Лали.

Прочитав письмо из Звенигорода, она всплеснула руками и умиленно заахала.

– Ах, какой он трогательный, наш Сандро! Но на этот раз, Гиичка, ты мог обойтись и без меня. Лучшего знатока Грузии, чем твой отец, во всем Тбилиси не сыскать.

В самом деле. Папа лет двадцать проработал геологом, исходил Грузию вдоль и поперек...

Я с трудом дождался его возвращения.

Папа внимательно выслушал меня и сказал:

– Что ж, братьям надо помочь...

Вечером, когда сестренку

уложили спать, а мама с бабушкой устроились у телевизора, он открыл дверь своей комнаты и поманил меня пальцем.

– Пожалуйста, недолго, Георгий, – сказала мне вслед мама. – Ребенок совсем не высыпается из-за своей переписки.

Я страшно любил бывать в отцовской комнате. Обычно, уходя в экспедицию, он запирает ее, и мама входила туда только для того, чтобы вытереть пыль. Она говорила, что отец опасается за свою коллекцию минералов. Меня же больше интересовала охотничья двустволка, стоящая между стеной и шкафом, и косматая дагестанская бурка...

Когда я вошел, бурка была расстелена на тахте. Рядом на столике стояла корзинка с грушами. Отец, облокотясь на продолговатую подушку, смотрел на меня.

– Входи, входи... И присаживайся, Входи, входи... – он хлопал рукой по бурке; смолисто-черная, она поглощала свет, и потому казалось, что лампы в торшере горят вполнакала.

– Для начала послушай одно предание... – Отец подождал, пока я устроился поудобнее, и продолжал. – Дело было давно. После сотворения мира было дело. Давно. Позвал господь Бог к себе представителей всех народов, вроде как в ООН, и стал им земли раздавать. Русским

Россию дал, армянам – Армению, туркам – Турцию, всем все роздал. А грузины опоздали на раздачу. То ли в винограднике заработались, то ли за столом засиделись. Прибежал, наконец, наш грузин, запыхался, говорит: «Боженька! Милый Боженька! Я тоже за землей. Удели нам что-нибудь!» «Где же ты до сих пор был? – спрашивает Бог. – Я уже все роздал». «Да задержался, – отвечает грузин. – В винограднике трудился, тебя славил». «Ну что с тобой поделаешь! Не оставлять же без земли. Откровенно говоря, поберег я для себя сад прекрасный, но чтобы все почестному, отдаю его вам. Живите в нем и радуйтесь, – сказал Бог. – Пусть мой сад будет вам домом!» Такая вот легенда... Она встречается не только у грузин. Каждый народ любит свою землю. Да если к тому же в удел ему достался благодатный край, где землетрясения редки, а почвы щедры и плодородны, тогда только и остается благодарить Господа за щедрый дар. Легенда маленькая, но в ней много характерных для грузина слов. Дом и сад, земля и виноградник, застолье и радость, труд и Бог... И нет в ней ни превосходства над кем-либо, ни ущербности, а только любовь и благодарность... Однако, как я понял, наш Сандро не любит преданий. Да и какие могут быть предания в

двадцать первом веке! Только факты. Так?

Я кивнул и потянулся было за грушей, но отец остановил меня:

– Потерпи, сперва дослушай. Я постараюсь не растекаться... Надеюсь, Сандро знает, что Грузия расположена на Кавказском перешейке, восточнее Черного моря, в долинах и по отрогам двух могучих горных массивов – Кавказского хребта и Южно-Грузинского нагорья. Здесь, на небольшой, в сущности, земле представлено все разнообразие климатов и растительности, от пустыни и влажных субтропиков до вечных снегов. Помнится, Сандро писал, что любит грузинское кино. Так вот – был у нас симпатичный фильм под названием «Чудаки». В нем два грузинских чудака – простодушный юноша и мудрый старик – соорудили немислимый летательный аппарат из арбы, самогонного котла и приводных ремней. Нелепейшее сооружение! Куда ему – подняться в воздух! Но уж очень этого хотелось его создателям. И к удивлению, к ужасу недоверчивых скептиков оно взлетело! Скажешь – не может быть? На это отвечу – не люблю людей без воображения. Лучше присоединимся к тем славным чудакам и окинем взглядом милую родину. Идет? – отец хлопнул меня по колену.

– Идет, – растерянно кивнул я.

ВОСТОЧНАЯ ГРУЗИЯ

– Стартуем в Лагодехи, самом восточном из грузинских городов. С востока на запад, как движется солнце... Назад и вверх уходит заповедник – поросшие могучим лесом предгорья Большого Кавказа. А впереди и внизу открывается необъятный, неистово зеленый простор. Это Алазанская долина – щедрый сад Грузии. Вдоль Алазани – вереницей селенья. И виноградники. Они взбегают на взгорки и снова стекают вниз. Вся долина – сплошной виноградник, и только возле домов, крытых черепицей, и вокруг церквей – густые купы садов и деревьев... За Алазанью вдоль гористых отрогов чернеет железная дорога. Обогнув Гомборы, она бежит к столице Кахетии – Телави. Древней цитаделью, теснотой крутых улочек и резными балконами Телави напоминает старый Тбилиси. Отсюда рукой подать до замка и куполов Греми, княжеского дворца Цинандали – последнего приюта Грибоедова, черепичных крыш средневековой академии в Икалто... А выше по течению, на изумрудной равнине белеет Алаверды – самый высокий из грузинских храмов. Каждый год у его стен бурлит знаменитый храмовый праздник. Собирает со всего Кавказа верующих и неверующих, христиан и мусульман, и напоминает им об извечном братстве... – Отец помолчал и с легкой усмешкой поглядел на меня. – Ну как, приспособился к летающей арбе?

Алавердский монастырь

– Вполне, – откликнулся я.

– Тогда – вперед! После Алаверды перелетаем через Гомборский хребет. Я провел там два полевых сезона и навсегда запомнил дивную гомборскую осень. Она валила по горам, клубилась багрянцем и золотом, пылала, поыхала и рдела. Ни в каком другом уголке Грузии не видел я такой яркой красоты, такого буйства. Дни стояли ясные, и солнечный свет перенасыщал цвета и краски. Кряжистые дубы наливались густой тяжелой краснотой, осины и клены воспаленно раскалялись, рябины рдели так, что их гроздья сливались с листвой, а березы колыхали на высоких стволах легкое золото листьев. Такая в Кахетии осень...

За Гомборами – снова долина и бегущая по ней Иори. Вдоль Иори села, дороги и виноградники. Но, пожалуй, зелень здесь не так неистова и ярка, а далеко на юге она незаметно переходит в сероватую желтизну. Цвет песка. Пустыня Гареджи. На заре христианства туда пожаловали двенадцать отшельников. Один из них, по имени Давид, основал монастырь. С тех пор он так и зовется – Давид Гареджи. Это по левую руку, на юге, где и полагается быть пустыне. А на севере громоздятся могучие горы и, подпирая друг друга, они вползают на заснеженный главный хребет. Они так высоки, что в верховьях Иори и Алазани нам пришлось бы лететь по ущелью, повторяя все его изгибы. Там – к крутым склонам прилепились

Крепость Хертвиси

селения, а на дне блестит лента реки. Еще выше горы сбрасывают косматую бурку лесов – начинается альпийская зона. По лугам, словно облака, ходят отары овец, скачут неоседланные кони. Это страна воинственных горцев. Большую часть года оторванные от мира, они живут по своим суровым законам, один из которых – кровная месть.

– Кровная месть – в наши дни? – удивляюсь я.

– Не знаю, как в наши, – говорит отец, – но лет восемь назад я оказался свидетелем характерного эпизода: моему знакомому хевсуру сообщили, что после долгого отсутствия объявился его кровник – человек, которому он должен был мстить. Ты бы видел, как он обрадовался! Словно узнал о рождении сына... Хотя вообще-то твое удивление понятно, – продолжал отец. – Жизнь в высокогорных селениях меняется. Современность обступает их со всех сторон и постепенно вытесняет древние обычаи... А еще выше зеленые горы сменяются ледяными вершинами. Если через их неровно обкусанные края пролезть на северные склоны хребта, в одном из ущелий увидишь знаменитый Шатили. Сотня башен из темного камня, вставших плечом к

плечу и спина к спине. Так, окруженные врагами, сплывались перед последней схваткой хевсуры. Цитадель. Воплощение воинственности. Однажды мы попытались добраться туда зимой. Шли на широких охотничьих лыжах и заночевали у заснеженной рощи. Наломали торчащих из снега ветвей, запалили кострище и закутались в бурки. А наутро проснулись в такой яме, что

едва выкарабкались. Снег протаял до земли, и мы оказались на дне глубокого белого колодца...

– Па-па, – с сомнением растянул я. – Это смахивает на истории барона Мюнхгаузена.

– Может быть, – согласился отец. – Только моя история подкреплена фотографиями, – он пощелкал пальцем по висящему над тахтой снимку: на нем двое

Монастырь Икалто

мужчин, склонившись над провалом, вытаскивали на веревке третьего. Однако, мы не перевалим на северные склоны, а напротив – подадимся на юг, – продолжал отец. – Теперь перед нами Картли. Сердце Грузии. Ее золотая долина. Золотой она кажется от зреющих хлебов и избытка солнца. Здесь просторно и широко. Бегущие с гор Арагва, Ксани, Лиахва спешат к Куре. В голубоватой дымке проступает Тбилиси. Он вытянулся вдоль Куры, заполняя ложбины и впадины, карабкаясь на склоны. За ним дымят трубы руставских заводов и горно-обогатительного комбината в Маднеули, сверкают на солнце водохранилища больших и малых электростанций, темнеют сады и голубеют виноградники – неперемнная принадлежность грузинского пейзажа. Вдоль Куры тянутся на запад нити железной дороги и автостреды. Давай отклонимся к югу от наезженного пути. Там, в городке Болниси, сохранился древнейший из грузинских храмов – Болнисский Сион. Почти голубого цвета, с редкими вкраплениями красного камня, он стоит на зеленой мураве, и бабочки садятся на него, как на цветок. А неподалеку, в Питарети, высится над ущельем моя любимая церковь с женственно-стройным куполом, украшенным дивной резьбой. Впрочем, памятники архитектуры здесь на каждом шагу, и, чтобы не упустить их, нам пришлось бы пересечь с летающей арбы на обычную. Руины замков, остатки крепостей, островерхие купола церквей и ухоженные щедрые сады – исконно грузинская земля. И вдруг среди ее гортанных имен – Гореловка и Богдановка, Тамбовка и Родионовка, и даже Ивановка! И в них светловолосый, голубоглазый народ – статные дебелие бабы и степенные мужики с окладистыми бородами. Это русские молокане и духоборы, бежавшие в наши края от религиозных притеснений. С ними соседствуют азербайджанские, греческие и армянские села. Кто жил здесь веками, кого граф Паскевич переселил, а кто своей волей перебрался и из поколения в поколение возделывает благодатную землю. И ни притеснений, ни обид. Терпимость и

У озера Паравани

доброжелательность – такие же грузинские свойства, как беспечность и хвастливость. Пронесшись над Триалети, оказываемся в Боржомском ущелье. Его называют нашей Сибирью: даже в июле, когда на шпалах от жары закипает смола, здесь свежо и прохладно. Сосновые леса дышат хвойной влагой. Желтовато-голубые лужайки и прогалины испятнаны яркими цветами. Там, где ущелье путь расширяется, в его тесноту, как пенал в ранец, втиснут знаменитый Боржом – курорт с мировым именем. Рядом с новыми санаториями в нем стоят старинные дворцы и особняки. От Боржоми железнодорожная ветка круто уходит в горы, к Бакуриани – месту, известному каждому лыжнику.

– Про Бакуриани не надо! – прерываю я. – Бакуриани я помню!..

Я помню простор над горами, сверкающие лазурь и снег. Голубые тени между сугробами и яркие фигурки лыжников. Захватывающий полет с кручи, снежные кулици на лапках елей, скачущее солнце и разреженный воздух. А в открывшемся черно-белом провале – скалы в красных подтеках... Бакуриани – от этого слова веет солнцем и снежной пылью!

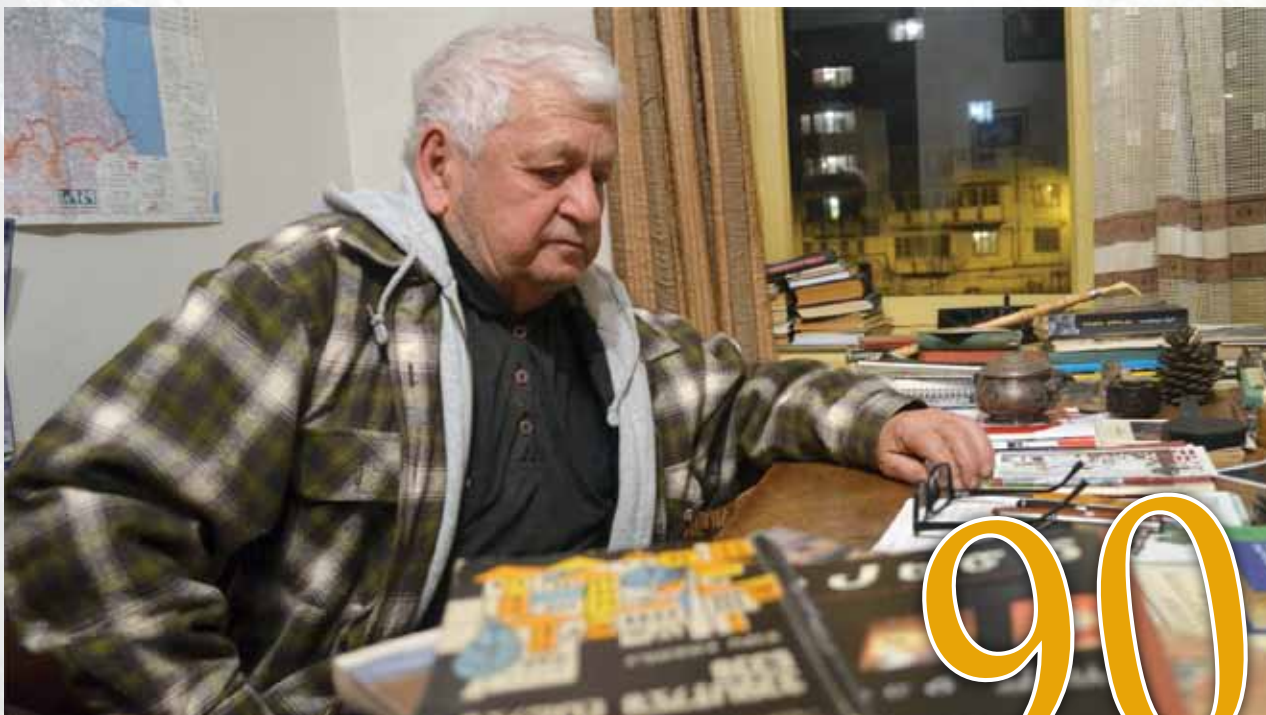
– Южнее Боржомское ущелье переходит в широкий безлесый каньон, – продолжает отец. – Там начинается Самцхе – древняя грузинская земля, почти три столетия бывшая провинцией Турции. Часть ее так и оста-

лась под турками, а на ней бесценные памятники грузинского зодчества: Бана и Ошки, Ишхани и Хандзта... Каньон Куры – южные ворота Грузии, ее уязвимое горло. Теснина в верховьях так и зовется – «Грузинская горловина». По обоим берегам – руины мощных крепостей Тмогви, Хертвиси, Ацкури... Они утонули в знойном мареве Пропеченные солнцем скалы кажутся оранжевыми, а редкие деревья на них – черными. Там у развалин Хертвиси я ощутил непривычную жару – сухую и резкую. Зной был не грузинский, а какой-то месопотамский, арабийский. Как будто трехсотлетний ислам сказался на климате. И почудилось, что камни под ногами пахнут тиграми...

– Чем же это объяснить, папа? – спросил я.

– Долины Самцхе отгорожены от моря высокими горами, но открыты южным суховеям. Лишь знаменитый Абастуман вобрал достоинства всех климатов – сухость юга и хвойную чистоту высокогорья приправил соленым дыханием моря. Лучшего места для легочников не сыскать в целом свете, потому что здесь жил чахоточный брат последнего российского императора... Но оставим в стороне Самцхе и переберемся в Западную Грузию. Этот пейзаж тебе знаком, а раз так, мы полетим быстрее. Согласен?

Я кивнул.

Резо Чеишвили

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАЛИКО ХВИНГИАДЗЕ РАССКАЗ

■ Резо ЧЕИШВИЛИ

Перевод с грузинского
Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ

Снег шел беспрерывно. Давно в этих краях не было столь щедрого снегопада. Большие белые хлопья бесшумно и мягко ложились на землю. Вечерело. Сумерки окутали ущелье Цкалцитэлы, известковые склоны Моцамета и Година. В темнеющей белизне тонули рассыпанные тут и там дома из красного кирпича, плетеные изгороди и каменные ограды со снежной каймой поверху, кусты и деревья в снежных саванах. Крупные хлопья снега падали и таяли на отсвечивающих блеклым серебром рельсах железнодорожного полотна. Время от времени громко каркали очень удивленные мерзнувшие вороны, восседавшие на проводах.

Падал и падал снег. Казалось, белое небо спускается на землю.

– Как рано смерклось, того и гляди наступит глухая нескон-

чаемая ночь, – со вздохом проговорил Шалико Хвингиадзе и забросил в железную печь замшелое полено белого граба.

– Раньше, в моем детстве, бывали такие снежные зимы, – заметил раскрасневшийся от огня невысокий человек с совершенно седой головой и усами.

– В такой вот снег и в метель я перешел Альпы, – раздумчиво произнес Шалико, покачивая головой, и взор его, устремившись куда-то вдаль, остановился на одной точке.

– Ну что Минадора? – спросил невысокий человек, Варлам, старинный сосед и друг Шалико Хвингиадзе, и вытащил из изрядно поношенного кителя железнодорожника помятую пачку сигарет.

– Кто? – обернулся к нему Шалико.

– Минадора, – Варлам от-

крыл дверцу печки, извлек оттуда щепку, тлеющим концом ее зажег сигарету и, бросив щепку обратно в золу, двумя пальцами запер дверцу.

– Минадора? – переспросил Шалико, словно пробуждаясь от глубокого сна. – Передала, что не приедет. Да куда уж теперь приедет, моя невестка в конце месяца диссертацию защищает. За детьми уход нужен, присмотр, в кого только они уродились такие слабые, дунешь – упадет. Ни у одного аппетита нет, с ума сойти можно. Вообще-то особо упрашивать и уговаривать не годится – ешь да ешь, я говорю, надо оставить дите в покое. Проголодаются – сами поедят, да кто меня слушает! Я вот с ложкой не бегал за их отцом и что, разве он не вырос? Говорю, а что толку!.. Очень я по ним соскучился, а впереди еще целая зима... Снег все еще идет, Варлам?

– Идет, идет.

– Погребет нас этот снег, если так сыпать будет.

– Не бойся, дядя Шалико, уж скоро весна.

– Да, весна скоро. Потом лето настанет, осень придет и снова зима, и снова снег... Да какой я тебе дядя?!

– Разве тебя на войну не раньше меня призвали?

– Ну и что с того, разве это так важно?

– Очень даже важно.

– Вообще-то меня и вправду раньше тебя призвали, – задумался Шалико. – Да какой толк, два месяца торчал без дела в Сагорийском лесу. Не нашлось для меня одежды по размеру, понимаешь, и пока я ждал, чтоб меня нарядили, немцы и вовсе обнаглели. Потом-то я дал им прикурить!

– Сшили тебе форму?

– А то нет, стандарты меня бы выдержали, как тебя. Шести месяцев от роду я в аквани*, пеленки рвал, ты-то помнишь!..

– Нет, это невозможно, – сказал Варлам и снова открыв дверцу печки, забросил туда обуглившийся окуроч, потом поглядел на свои пожелтевшие от никотина пальцы. – Если хочешь знать правду, ты когда пеленки рвал, я после того через два года родился.

– Родился, подумаешь какой богатырь на свет явился... Постои, кто-то калиткой стукнул... Гость должно быть!..

– В такую погоду посторонний не пришел бы, – заметил Варлам. Закрыл дверцу печки, прислушался к хрусту снега.

Шалико обвязал поясицу толстой шерстяной шалью и вышел наружу. Дверь оставил открытой, и в комнату сразу же ворвался сухой морозный воздух.

По двору медленно продвигались двое запорошенных снегом мужчин. Они то и дело проваливались в снег и выбирались из него.

– Вы кто будете? – окликнул их Шалико.

– Это мы, дядя Шалико! – просипел один из них уже вблизи.

– Автандил, что ли?!

– Точно!

Варлам услышал, как гости громко топали под навесом, отряхивая налипший снег. С морозным воздухом к угасающей печке неслись и снежинки.

– Пожалуйста, пожалуйста!

Гости вошли.

– Здравствуйте, здравствуйте! – хриплым голосом приветствовал присутствующих молодой человек, Автандил, пожимая руку Варламу, и привычно огляделся.

– Мир дому сему! – произнес второй, протягивая пальто и шапку хозяину и, вынув из кармана небольшой гребешок со сломленными зубьями, несколько раз провел им по редущим волосам.

– Надеюсь, вы лучше себя чувствуете? – обратился Автандил к Варламу.

– Да, да, пока что лучше, благодарствуйте, – с улыбкой ответил Варлам.

– Пусть нога ваша будет счастливой в этой семье, уважаемый Тамаз, пожалуйста, не стесняйтесь!.. Дирижер Тамаз Кипиани – Варлам Абуладзе, дворянин, мой брат и ближайший друг, – представил гостю Варлама хозяин и вынес их шапки и пальто в цало*. Тамаз спрятал обратно гребешок и вежливо протянул руку Варламу. Варлам обеими руками пожал руку дирижеру и так склонился в учтивом поклоне, что едва не стукнулся лбом о печку.

– Он один? – тихонечко спросил Автандил Варлама.

– Да, один, – так же тихо ответил Варлам, покончив с этикетом.

– Когда приезжают?

– Не знаю, они и на Новый год собирались да не получилось, – тихо, но так чтобы слышал еще незнакомый гость, проговорил Варлам и добавил: – Речь идет о супруге Шалико, уважаемый Тамаз. Она уехала в Тбилиси, к детям, помогает то одному, то другому. Они ведь работают, что тут поделаешь. Жена одного из них над диссертацией трудится, батоно Тамаз, ей особенно нужна помощь, за внучатами глаз да глаз нужен, уход...

– Разумеется, – рассеяно подтвердил почти облысевший Кипиани.

– Садитесь, отдохните, а ты, Варлам, за печкой присмотри. Я пока о других вещах позабочусь, – засуетился Шалико и направился к двери.

– Не беспокойся, дядя Шалико, ничего не надо, – выступил Автандил.

Хозяин оборотился:

– О тебе не пекусь, не волнуйся, – сказал Шалико.

– Нет, вы слышали, что он сказал? – спросил Автандил и воззрился на Варлама.

– Да, да, правда ничего не нужно, мы скоро должны уйти, – подтвердил Тамаз Кипиани и, удобно устроившись в тепле, уставился немигающими глазами на железную печку.

– Ах, что вы, уважаемый батоно Тамаз! Вы впервые в моем доме, разве я вас так отпускаю, как вы думаете? Правда хозяйки моей сейчас нет дома, она далеко, так что не обессудьте если что не так будет!

– Ну что вы, батоно! – улыбнулся Тамаз и тут же углубился в себя. Он чуть-чуть отодвинулся от печки, жар его видимо обеспокоил, казалось, он вообще чем-то озабочен.

– Значит, не приехали твои, да?

– Да нет, теперь куда уже приезжать! У детей и каникулы закончились... Авто, прошу тебя, не утаивай, мать Кичи правда скончалась?

– Не хотел я тебя огорчать, но ты, оказывается знаешь... Да, умерла она.

– Ох, что ты мне говоришь! От чего же она скончалась, ей, верно, по меньшей мере лет сто было бы?..

– Больше...

– В деревне хоронят, – произнес Кипиани и деловито постучал ногтем по трубе.

– Похороны в воскресенье, но завтра панихида, мы хотим подняться, если машина сможет пройти. Ты ведь поедешь, дядя Шалико?

– Ну а что я сделаю, милый ты человек! Мы с ребятами, наверно, вместе пойдём. Потом и деньги ведь надо собрать, расход, конечно, большой будет.

– Да уж, это точно!

– В воскресенье похороны, да? Автобус я обеспечу, мой племянник, сестры сын, похлопочет.

– Херхадзе тоже едет, – не совсем впопад заметил дирижер и опять ушел в мысли.

– Батоно Тамаз, не скачайте, сейчас все будет, сейчас! – хозяин торопливо вышел, и Варлам проворно последовал за ним.

– Зачем мы беспокоим этих людей? – чихнув несколько раз подряд, воскликнул дирижер и, вынув из кармана носовой платок, утер им набежавшие слезы.

*грузинская колыбель, прим. пер.

*ниша в стене для хранения одежды и т.п., прим. пер.

– Здоровья, удачи, пусть ничего у тебя не заболит до прихода матери Кичи, – пожелал ему Автандил, постучав по его плечу. – Что ты сказал, кого это мы беспокоим? Дорогой мой, какое тут беспокойство, и вообще зачем мы поднялись сюда в этот снег и холод? Да и кто тебя так опустит, если даже захочешь уйти, он же с ума сойдет, в жизни с нами не заговорит!

– Ох... – простонал Кипиани.

Шалико внес в комнату напиленные и порубленные сухие дрова. Варлам вошел следом и присел на корточки возле дров.

– Дядя Шалико, ты когда-нибудь видел столько снега? – спросил Автандил.

– Где ты, парень, видишь снег? – Шалико посмотрел по сторонам.

– Да как то есть где, – пробурчал Автандил. – Этот сумасшедший Шотаи с грехом пополам довез нас до поворота, оттуда мы пешком тащились по подъему...

– Не разговаривайте! – прервал его коленапреклоненный Варлам, у которого от раздувания огня уже челюсти заболели.

– И это вот вы называете снегом? – удивился Шалико. – Да бросьте ради Бога! Помню, одну зиму в Кутаиси, я тогда был еще совсем маленький, такой снег выпал... Куда это ушел Варлам?..

– Здесь я, здесь! – Варлам с покрасневшими от дыма глазами выпрямился во весь рост.

– А-а, здесь он. Так вот, в Кутаиси такой выпал снег – что мне от вас скрывать, весь город полностью под снегом оказался. По улицам рыли тоннели в снегу, и по этим тоннелям ходил народ. Семь дней и семь ночей неба не видели... Вот это действительно был снег!

Автандил глянул на Тамаза. Тамаз украдкой улыбнулся и обратился к хозяину:

– Мы очень удивились, что вы сегодня не пришли на занятие хора...

– Я подумал, что в такую погоду никто не придет.

– Я был. Они играли в домино, пока не выключился свет. Кто-то сказал, дядя Шалико, должно быть, болен.

– Кто сказал?

– Да кто бы сказал, кроме

Читы! – усмехнулся Автандил.

– До того не пополнеют у Читы бока, пока он меня больным увидит! Я в жизни не болел, уважаемый Тамаз. Как-то раз зуб у меня разболелся, это да, осталось воспоминание. Варлам, будь другом, выйди туда и сними с крюка копченый окорок, поставим на огонь. Расскажу вам эту историю, пока Варлам воротится. Впрочем, я тоже сейчас время теряю, и вам, верно, наскучил...

– О что вы, что вы, – оживился Тамаз. Он приятно согрел обе руки на печной трубе.

– Был у меня еще с материнской утробы один дурацкий зуб. Еще в детстве, помню, хотели его выдрать, да у зубного врача сил не хватило – сколько ни старался, зуб не шелохнулся, и стоматолог сказал – или из-за зуба мальчонка погибнет, или зуб его погубит. Если этот зуб особо не мешает и никого не пугает, пусть остается на своем месте, а когда ваш сынок подрастет, вот тогда и ведите его ко мне, уж что-нибудь сообразим, либо зуб подпилим, либо еще что-то придумаем. Оказывается, зуб на мою беду прирос к челюстной кости. Ну, что вам долго рассказывать, так и остался у меня этот злополучный зуб, конечно, он меня не красил, но в общем, не очень был виден и не беспокоил. И пока он не разболелся, пока всю душу из меня не вытряс, я к врачу не пошел. Как раз перед началом войны я обратился к Биашвили. Вы его не можете помнить, он был признанным знатоком своего дела в нашем городе. Работал он в Чоме, в психиатрической клинике, и имел зубоврачебную клинику. Не стану утомлять вас долгими разговорами, словом, посмотрел меня Биашвили и сказал так: Шалико, вырвать этот зуб сможет тебе либо Володя Ишхнэли, либо Коля Квариани, а я его пальцем не трону. Володя по соседству от тебя лежит на кладбище Сапичхии, а Коля Квариани где-то в Америке живет, что я могу для тебя сделать? Так он меня и выпроводил. Ну я и ушел, что было делать. Вроде бы зуб унялся, вроде не болел, я вздохнул, слава Богу, думаю, но не тут-то было: как накинута на меня боль с новой силой, я

разума лишился, взбесился. С той поры я понимаю медведя, когда у него зуб болит. Что мне делать, куда кинуться?! А ведь сказано – нужда и дорогу укажет. Тогда я, милые вы мои, взял тонкую стальную проволоку, которую в точных механизмах для крепления зубцов применяют, нашел ее где-то, это не интересно, словом, вышел я на железнодорожную платформу Сапичхии, как бычок с веревкой на шее, только не веревка, а стальная проволока, и не на шее, а на зубе. В это время должен был прибыть «народный», я это знал, и прибыл он, остановился. Не буду долго рассказывать, я и так запозднился, ну, значит, прикрепил я свободный конец этой проволоки к прицепу, а другой конец к зубу привязал! Сейчас, когда вспоминаю, смеюсь, ведь второй конец к последнему вагону прикреплен! Дали третий звонок, я ноги растопырил и шлепнулся между рельсами. Глаза закрыл и жду, когда поезд тронется. Что-то меня потрянуло сильно, но я не понял, что, стою между шпал, раскоряченный, холодным потом обливаюсь, и тут является начальник платформы Сапичхии (для чего только нужен был начальник этой платформы!), Бурджанадзе по фамилии, а имя его я запомнил. Ухватил меня за руку. «Э-е, парень, Шалико, ты чего делаешь, из-за этого меня арестуют». Тогда такие строгости на железной дороге были! А что такого, говорю я ему. А он мне: «Отпусти этот несчастный поезд – говорит, – мы и так выпали из графика». Оказывается, скользит паровоз по рельсам и ни с места. Словом, тут этот поезд, там мой зуб... Да чему ты смеешься, парень?

– Вы отпустили поезд? – спросил Кипиани. Руки его больше не дрожали, от раскаленной трубы он тоже отошел, впрочем не очень далеко отошел.

– Да что это был за поезд, уважаемый Тамаз! Дряхлые вагоны, обшарпанный паровоз... Я его отпустил, двинулся этот поезд и со скрежетом уехал, а моя проволока... Честно говоря мне жаль ее стало, даже сердце заныло.

– А зуб? – сдержанно спросил Автандил.

– Зуб? – переспросил Шалико, уже готовясь уйти. – Неловко, а то я бы показал вам то место, где он находился... Зуб мне выдернули в военном госпитале противотанковым методом.

У Автандила выпала изо рта сигарета, он нагнулся, поднял ее, подул на фильтр, снова зажал губами и фыркнул – дым попал в дыхательное горло, он закашлялся. «Раньше он подругому рассказывал этот эпизод», – подумалось ему.

– Я был здоровым человеком, уважаемый Тамаз, очень здоровым, – громко и уже иным тоном проговорил Шалико. – Теперь вы сами видите, каков я, а уж тогда можете себе представить, какой я был. Э-эх!.. Помню, когда наступили большие холода, – вы этого не можете помнить, – когда впервые замерз Риони... Где Варлам?.. Вот как зайдет он, спросите его, и, хотите верьте, хотите нет, два раза в день я взламывал ломом лед, нырял возле Красного моста, выныривал за Белым мостом, милый мой господин. Да куда это запропастилась ступка?! Ага, здесь она, здесь! Да, выныривал выше Белого моста, аж возле Ялтинского большого камня. На мосту движение останавливалось, народ на меня глядел... Если мне и Варламу не поверите, спросите у Джиджи Алпаидзе, уж он-то знает... – завершил рассказ Шалико, закрыл дверь огромного шкафа, извинился и торопливо вышел.

– Сегодня он в ударе! – Автандил потер руки, – уж коли начал, теперь не остановится, так что нам повезло. Только нельзя засмеяться, не то обидится очень и уже слова не вымолвит.

– За кого ты меня принимаешь! – оскорбился Тамаз.

Варлам притащил огромный котел с водой и поставил его на огонь. В котле валялся здоровый кусок копченого окорока.

– Поторапливайся, поторапливайся, – прикрикнул из цало Шалико. – Не время сейчас лясы точить!

– Чего ему надо, кто тут лясы точит?! Я звука не издал, – проворчал Варлам, вышел и тут же снова вошел, внес большую чугунную сковороду, полную купатами.

– Варлам, прошу тебя, в старину, когда-то, действительно Кутаиси снегом занесло так, что жители по улицам рыли в снегу тоннели и так ходили по городу? – заинтересовался Автандил.

– Когда это было?

– Вот я и спрашиваю, когда это было и как было, чтобы знать. Я думаю, когда Шалико зубом поезд остановил, тогда было это, я так думаю...

– Лично я этого не помню, впрочем, разговоры помню, что-то подобное рассказывали... Снегом правда весь город занесло, семь дней длился сильный снегопад. Однако про тоннели ничего не слышал...

– Не в зале ли накрыть стол, наверху? Там просторно, коном гуляй... – спросил Шалико, просовываясь в дверь.

– Нет, батоно Шалико, здесь нам очень уютно, – возразил дирижер, который при упоминании «стола» сразу ожил.

– Что ж, как вам угодно... Наверху, правда, холодно, вы правы. Давай, Автандил, вот тебе скатерть, расстели ее. Да живее пошевеливайся, ничего с тобой не случится!

Автандил забросил в печку очередную сигарету, расстелил скатерть и с деловым видом засуетился. Кстати, впрочем, он не был особенно ленив, к тому же накрывание стола его явно вдохновило.

По комнате распространился аппетитный запах сельдерея, замаринованного с кондари, отварного окорока, горячего мчади и сацебели. Следом хозяин внес два глиняных кувшина с вином, ладонью отер обоим кувшинам горловину и поставил их на стол.

– Уважаемый Тамаз, у меня в марани двадцать сортов вина, Варлам знает и подтвердит, если понадобится. Из этих двадцати я угощу вас лучшим из лучших! Так я решил. По правде говоря, что мне от вас скрывать, из десяти таких, как вы, желанных, дорогих гостей, я ни одному не предложу не то что пить, даже пробовать те десять сортов, которые я оставил как расхожие... словом, они не для нас! Остальные десять – несомненно отличные, только пять из них – сладкие и

полусладкие, это, конечно, нам не подходит. Остается пять сортов. Из них два – маглари и красное, я его для десерта готовил, это мы в другой раз попробуем. В итоге я, как мне думается, улучшил три вида вина, которое из них лучше поистине трудно определить, но одно мы сейчас, вот в эту секунду... Варлам, кажется, мы дали маху, кажется, оно початое, и я его снимаю с перечня. Из всех двадцати сортов я выбрал вот эти два, и теперь, дорогие мои гости, слово за вами!

– Мы поступим так, как вы скажете, – с любезной улыбкой проговорил Тамаз Кипиани.

– Нет, батоно, так не пойдет! Попробуйте на вкус, посмотрите, каков цвет на фоне пламени, вдохните аромат, а уж потом оценивайте, выносите решение, я сию минуту вернусь и – к вашим услугам! – распорядился Шалико и вышел.

– Посмотри, которое пить будем, – прохрипел через какое-то время Автандил.

– Мне все равно, – индифферентно отозвался Тамаз.

– Что значит «все равно», что ты говоришь! Я сейчас же выясню... – Автандил отпил чуточку, для определения вкуса, зачмокал губами, потом долго безнадежно качал головой.

– Выбрать обязательно нужно, – проговорил Варлам, – потому что из этих двух одно настоящее, а другое на чаче настояно. Правда, кроме этих двух вин у него никаких других нет и сроду не бывало, но и за сахарным он смотрит и так с ним носится, хранит его так, как и настоящее вино, просто удивительно! Если как следует не распробуешь, то не разберешь, где истинно вино, а где сфабрикованное.

Варлам оказался прав: вино было похоже на вино и цветом, и крепостью, впрочем, даже неискушенный человек почувствовал бы различие. Главное было определить, которое из них на вкус лучше. Гости не могли прийти к согласию. Мнение и взгляд одного не совпадали с мнением и взглядом другого. Довольный хозяин с любезной улыбкой предложил членам застолья – если вы мне доверяете, давайте будем пить

вот это, и, поставив на стол кувшин с вином, видимо лишь для услаждения взора, тут же унес его в марани.

– Так бы сначала и сделал, – сказал ему вдогонку Варлам. – Садитесь теперь, дядя Шалико, мы уже устали, заждались тебя!

– Сию минуту!

Повеселевший хозяин принес обитый кожей низкий табурет на трех ножках, сел к столу и после недолгих просьб и уговоров согласился быть тамадой. Затем он обозрел стол и объявил: то, что вы видите это все, я еще кой-чего добавлю, хотя я все равно никого не удивлю!

– Все есть, батону, чего еще желать! – произнес Кипиани, растерянно глядя на стол и соображая, что же ему переложить на свою тарелку.

– Сплошной кондари и гранат, купаты – высший сорт! Я, правда, не очень-то соображаю в этом деле, – заметил Автандил.

– В этот маринад ты добавил еще и сельдерей? – спросил Варлам.

– Да, добавил, и вот как славно получилось. Уважаемый Тамаз, я не достоин быть тамадой, уж коли вы мне оказали такое доверие и такую честь, и такой камень на меня навесили, я постараюсь не подвести вас, постараюсь оправдать ваше уважение и поднимаю этот маленький стакан в знак благодарности, но выпью его только в конце нашего застолья, а сейчас, как велит наш обычай, да здравствует хозяйка этого дома, правда, в данный момент ее здесь нет, но мы выпьем пока заочно, без нее. Этот дом она довела до сего дня, и маринад она готовила, и бадриджаны и помидоры, зажаренные в кеци и вкусно фаршированные она консервировала, и детей она растила, и за внуками она присматривает, все она, милосердная, благодатная тетя Минадора, благословенна ее рука, за здоровье нашей хозяйки!

– За здоровье тети Минадоры!

– Да здравствует хозяйка!

– За здоровье хозяйки поднимаю тост, за здоровье Ми-

надоры, – сказал Варлам, – за твою вторую половину, старина! Небось скучаете друг по другу, да что поделаешь, на сколько частей она может разорваться! – он обратил взгляд на гостей, – дети, внуки, друзья, враги, милый ты мой, то одно, то другое, за всеми и за всем нужен глаз, а тут он, Шалико, сейчас им обоим нужна забота и уход друг за другом. Дети просят Шалико, приезжай, мы и за тобой присмотрим, холодного ветра до тебя не допустим, на ладони яичницу тебе зажарим, ты давай, продай все это, но он не хочет.

– Здесь я родился, здесь и похоронен буду, для чего, Варлам, эти разговоры, мы и так наскучили гостям. Давай, наливай на здоровье! – он с удовлетворением оглядел стол и провозгласил тост и вел застолье достойно, как и подобало человеку его возраста и положения.

– Дядя Шалико, на войне ты в каком чине был? Я до сих пор как-то не поинтересовался... – будто бы между прочим спросил Автандил после какого-то обязательного тоста. Он хотел поскорее направить беседу в желаемое русло.

– Ты обо мне говоришь?

– Да.

– Я был то солдатом, то генералом, иногда и ефрейтором был... смотря по ситуации, по обстоятельствам. Вообще-то... – он задумался, – дорогой мой Авто, вообще запомни: на войне чин особого значения не имеет. Стояла ранняя весна, когда мы переходили Одер. Помню все, будто вчера это было. Поднявшаяся река несла в своих водах целые деревья, землю... Рассветало, всходило солнце. Небо розовело. Кто в лодке, кто на понтоне, кто на плоту, а кто с раздутыми ветром и водой штанами устремлялись на противоположный берег. Я бросился в бушующую реку и поплыл кутаисским кролем, пересек мутные воды и, срезав наискосок, поплыл к утесу, оттуда всякую мелюзгу, офицеров, полковников, река унесла. Вот, милый мой Авто, какое значение имеет чин, чем тебе чин поможет, если руки не годятся!

– Правильно изволите говорить. Верно! – с воодушевлением подтвердил дирижер.

– Едва я ступил на берег, командующий фронтом как закричит: первым на тот берег вышел Хвингиадзе, награду ему!

– Узнал он тебя, да? – обрадовался Варлам.

– Кого, меня? Ты обо мне говоришь? Слушай, милый человек, меня враг узнавал, а не то что друг! Близился сорок третий год, мы стояли в Белоруссии, готовились к атаке и не покидали окопы. Правду сказать, противник тоже не двигался. Словом, как русские говорят, на линии фронта царило «затишье». Ночь была лунная, луна-то, милые мои господа, хотите верьте хотите нет – луна такая же и светит так же, как и здесь, у нас. И вот, что вам долго голову морочить, лежу я в эту прекрасную лунную ночь, думаю о том, о сем. Ну, а думы у солдата не переводятся, всегда есть о чем подумать, вы сами это знаете. Где-то квакши голос подают, тихонько, приглушенно. Лягушки поют, причитают. И в эту счастливую ночь слышу – кто-то говорит по-грузински: если есть там кто из Сапичхии, поднимайтесь вверх. Да, так и говорит, по-нашему – «вверх». Я прислушался. Эге-е, думаю, в чем тут дело? То ли мне мерещится, то ли правда. Что тут происходит? Я опять прислушался, уже внимательнее. И понял, что из расположения немцев говорят по радиорупору. У нас, мол, к сапичхельцам разговор есть. А у нас в дивизии был парень из Кутаиси, но он из Чома. Я в те дни заметил там и балахванца, впрочем, потом я его нигде не видал. Так что я один остался, единственный сапичхелец. Варлам, хочешь верь, хочешь нет, коли меня зовут, ну что тут кругами ходить и докучать вам долгими рассказами, я сразу смекнул, и скажу вам прямо, что немцы хотели меня переманить на свою сторону: главное – он, Хвингиадзе или как его там, если его заполучим – все, война окончена и победа за нами! И кричали всю ночь: сапичхельцы, давайте к нам, на нашу сторону, будем вас

кормить шоколадками и белым хлебом, и церкви вам откроем!

– Которую? – прервал его Автандил. – Которая здесь, возле базара стоит, да?

– Да, о ней тоже был разговор... Тогда агитпункт был там открыт. Как говорится, заброшенной церковью черти завладевают. Стращали меня оттуда, только кто боялся черта и дьявола, я голыми руками двух чертей поймал в Бакису-бани.

– А ты потом не узнал, кто тебя звал-то?

– Слушай, ты, милый человек, ты как думаешь, если бы я это узнал да его увидел бы, как бы я его отделал, а? Как ты думаешь? Да я бы гнал его до самого Берлина, как я это сделал с теми двумя, показал бы ему где раки зимуют. Потому он и по радиорупору говорил, боялся, чтоб я его по голосу не узнал, – а то, чего доброго, поколотит меня Шалико после войны... Ну, теперь давайте выпьем за детей наших родителей, вечная память тем, кого уж нет, а живым долгих лет и здоровья, сил, радости, за твоих сестер и братьев, Варламу, долгих им лет и здоровья. У Варлама брат умер, пусть над ним свет сияет там. – Он капнул на кусок хлеба две-три капли вина, как положено, и продолжал: – Как у остальных я, к сожалению, не знаю, надеюсь, все в добром здравии, ну будем все здоровы, перехожу алаверди к Варламу!

– А это как было, дядя Шалико, когда вы столкнулись с русским разведчиком во вражеском тылу? – напомнил Автандил после того, как осушил стакан и не спеша выбрал чем закусить

– Украинским.

– Да, или украинским, я уж не помню.

– Долгая история.

– Мы очень просим! – выступил на подмогу Автандилу Кипиани.

– Ну если уж все так просите, пожалуйста, расскажу. Значит, близилась середина сорок второго. Это был период наших временных неудач. Мощные соединения немцев теснили нас с моря, с воздуха, о суше уж не говорю. Что

скрывать, из главного лагеря пришел приказ отступить, конечно, по стратегическим соображениям, но, когда у человека нет удачи... я ничего не знал, к тому же, вы знаете, что я не привык отступать. Армия отступила, а я, дорогие мои господа, назад ни шагу и в одиночку сражаюсь, как говорится, до последнего удара вечернего колокола. И в конце концов очутился я во вражеском окружении. Тем временем стемнело. наших нигде я не видал и в конце концов совершил то, что мне не подобало: понурил голову и пошел. Пойти-то пошел, но куда идти в эту темь и мрак! Шел я, шагал я и подошел к какому-то хутору. Ни души вокруг. Собака не лает, петух не поет. И вдруг я заприметил луч света откуда-то выглядывает. Я пошел на этот луч и вскоре оказался перед хибаркой. Постучал тихонечко. Через какое-то время на мой стук отозвалась старуха: кто ты такой есть, человек или дух, говорит, об эту пору кому что нужно на дворе, кроме злого духа. Боец я, матушка, говорю, отстал я от армии. Приняла меня эта женщина, дай Бог благополучия ей и ее семье, приняла, напоила, накормила. Указала мне место, где я мог отдохнуть, постелила мягко и подушку принесла.

– Какого возраста была эта женщина? – не без подвоха осведомился Автандил, разминая сигарету.

– Кто? – растерялся рассказчик.

– Та женщина, в хибарке, – Автандил переглянулся с Варламом.

– Ох, ты тоже! Старая женщина была, сказал же я. И вообще на войне кто об этом думает! Словом, не перебивай меня впредь. Я снял оружие, улегся и думаю про себя, ну вот наконец-то дух переведу, сосну немножко, и в этот самый миг с грохотом распахнулась дверь и в комнату ввалился эсэсовский штандартфюрер с автоматом наперевес! Ну что ты тут будешь делать, Шалико, ты, хриstopродавец, где ты погибаешь, ты, свершивший столько славных дел, гибнешь бесславно, бесследно, спас-

шийся в море, в ложке воды утонешь, – подумал я, и в этот же момент штандартфюрер, отбросив автомат, как крикнет:

– Это разве не ты, Шалико Петрович?!

– Немец крикнул, батоно? – усомнился Кипиани.

– Да, это оказался наш разведчик, я его сразу узнал по голосу, как только он рот раскрыл. Он пятнадцать лет во вражеском тылу работал переодетый, по фамилии он Зинченко, если мне не верите, спросите у Джиджи Алпаидзе.

– А все судьба! – заключил Варлам.

– Да, главное – судьба, – поддержал его Автандил.

– Между прочим, Зинченко и сейчас жив, я говорю вам про разведчика, после войны его отправили в Воркуту, там он проработал десять лет, теперь он на Магадане, прекрасно устроился. Приезжал сюда, не так давно, мы с ним славно покутили на Квашава, я вас искал, но не нашел.

– Ты когда хочешь, тогда прекрасно находишь, – не сдержался Автандил.

– Ей-богу, искал, а вы, оказывается, в какую-то деревню уехали кутить!

– Ну, коли так, давайте мравал... дядя Шалико, мравал-жамиэр... – запел Автандил хрипловатым, изрядно разбитым беспорядочной жизнью, однако все же приятным голосом.

Шалико Хвингиадзе тотчас подхватил своим прославленным басом. Тамаз прокашлялся, сделал рукой знак Автандилу, чтобы немного приглушил голос и перешел на второй, и медленно, протяжно запел первым.

А с неба падал и падал снег. И на земле лежал снег. Снежный покров белел в темноте ночи. Ветра не было. Шум реки сюда не достигал. Только падал снег, и только едва слышный звук падения снежных хлопьев, как тихий шепот, нарушал глубокую тишину.

Продолжение следует

ЭТО ВСЕ ПРО ЛЮБОВЬ

— Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В Тбилиси спектакль «Я здесь» с участием известного актера театра и кино Анатолия Белого смотрели со слезами на глазах. Публика долго не отпускала исполнителя главной и единственной роли со сцены. И это был святой момент единения – артиста и зрителя.

В столицу Грузии Анатолий Белый прилетел всего лишь на два дня. Несмотря на это, актер согласился выкроить для нас время и рассказал о том, без чего не видит в жизни смысла.

– В прошлом году ваша жизнь резко изменилась...

– Это поворот на 180 градусов. Не меньше, по крайней мере. Но я уже для себя понял, что у меня в жизни все так периодически и происходило. Накопление и поворот, накопление и поворот. Так выстраивается моя жизнь. Выбор театрального училища – это же тоже был поворот. Были повороты внутри моей профессии, внутри моей

личной жизни. Но это были мои осознанные повороты, которые я выбирал. А тут не я уже решал... С другой стороны, эта перемена всколыхнула какие-то жизненные резервы. Я как бы встал на дыбы и пошел в направлении, открывающим в тебе какие-то новые творческие возможности. Новые театр, люди, ментальность, страна, новый язык. Все это пробуждает в тебе новую энергию.

– *Расскажите об израильской Нетании, где вы сейчас живете.*

– Это уютный приморский тихий полу-французский городок. В свое время, когда во Франции были волнения и пошла волна антисемитизма, очень много евреев уехали и поселились в Нетании. Здесь много французов, и мне это нравится. Я могу делать то, что хочу, заниматься тем, чем хочу. Рядом море. Ты всегда можешь пойти и расслабиться. Новые встречи, очень много знакомств, идей. Жизнь пульсирует!

– *Насколько удалось выучить иврит?*

– Заказать что-то в кафе, сложить простейшие предложения я могу. Я учу язык, но изучение движется не так быстро, как хотелось бы, из-за того, что мало свободного времени.

– *В вашем спектакле «Я здесь» звучат такие строки: «И будем вылезать на свет из тьмы, ступенька вверх, давай еще шажочек, выходит, бога нет, есть только мы? А дьявол есть? – Он тоже мы, дружочек». От этих стихов берет дрожь.*

– Не то слово. Как током бьет. Это стихи замечательной поэтессы Али Хайтлиной, которая давно живет в Германии.

– *Много в этом спектакле вас?*

– Этот спектакль про нас. И про меня, в частности. Мы с режиссером Егором Трухиным придумали моего персонажа. Это не я. Не Толя Белый, который приходит и читает стихи. Это персонаж, которого мы назвали Человек Потерянный. Если раньше был Человек Разумный, Человек Играющий, то сейчас – Человек Потерянный. В той или иной степени мы все сейчас что-то потеряли. И сами потерялись. В ходе спектакля мы узнаем, что потерял этот персонаж. Но спектакль выстраивается в

В спектакле «Я здесь»

гротескном ключе. Он начинается практически с клоунады, с буффонады. Люди смеются. Мы специально это сделали. Поэтому в этих строчках, которые вы процитировали, есть наша траектория: от чего-то смешного, нелепого до серьезного. В процессе мы узнаем, что с этим человеком происходит, почему он без умолку тараторит, заговаривается. Этого человека в кепочке, курточке, с двумя рюкзаками, один сзади, другой спереди, легко узнать. Можно назвать его беженцем. Но это узко. А шире – это Человек Потерянный.

– *После этого спектакля вы опустошаетесь или наполняетесь какой-то силой?*

– Спектакль физически тяжелый. Я очень сильно устаю. Но это какое-то правильное опустошение, нужное, терапевтическое. Ведь я на сцене вымещаю, выкрикиваю все то, что сидит внутри, что болит. Наш спектакль – обоудная терапия и

для нас, и для зрителей.

– *Давайте поговорим о Грузии. Какие у вас с Грузией связи, ассоциации?*

– Ой, самые приятные и замечательные. Так сложилось, что у меня здесь живут друзья-кинематографисты, в частности, режиссер Каха Кикабидзе и его жена, продюсер Натия Рачвелишвили. Эти ребята давным-давно занимаются кино. У Кахи я снимался в Москве в 2005 году в главной роли в фильме «Седьмой день». С тех пор и подружился. Но потом мы долгое время не ездили сюда. Была война, здесь тоже не самым лучшим образом все складывалось. А позже, когда все потихоньку успокоилось, мы с женой стали приезжать. Ездили в горы, в Боржоми, по Алазанской долине путешествовали. Жена моя в Грузию влюбилась и периодически должна тут находиться. Для нее это как бы место силы. И мне здесь всегда очень приятно. В Грузии в воз-

В спектакле «Бег»

духе разлита правильная пропорция расслабленности, какой-то неспешности, наслаждения...

– *Гедонизм витает в воздухе?*

– Абсолютный гедонизм. Я, конечно, полюбил это сочетание: с одной стороны, какая-то необязательность, а с другой – все вкусно, все красиво. Прекрасное место для отдохновения.

– *Как вам работало с режиссером Робертом Стуруа в спектакле «Ромео и Джульетта»?*

– Это была так давно... Лет двадцать назад. Слово в позапрошлой жизни. Прекрасное воспоминание молодости. Это было нечто новое, интересное, проект, которым все горели. Мы, как губки, впитывали Мастера. Нам было в кайф.

– *Если верить интернету, у вас сотня ролей в кино и 25 в театре. Очень солидные цифры. Как вы это ощущаете?*

– Да никак.

– *Шутка сказать – сотня киноработ?*

– Ну, это так кажется. А теперь разделите это лет так на 25. Вообще своим первым серьезным проектом я считаю сериал 2005 года «Умножающий печаль». До этого был набор опыта. Я снимался там-сям, в эпизодических ролях. А после «Умножающего печаль» началось что-то осознанное. Да, бывали проходные роли.

Что-то интересное, что-то менее интересное. Большого кино у меня не случилось, авторского кино у меня не было. В основном телевидение, сериалы. Какие-то плохие, какие-то хорошие. За какие-то стыдно, за какие-то не стыдно. Это моя работа. А вот с театром – другая история.

– *Какая?*

– Мне повезло: выпало сыграть главные роли в прекрасных пьесах с замечательными режиссерами. Театральная судьба у меня сложилась более интересно, чем киношная.

– *Значит ли это, что театр вам ближе?*

– Нет. Просто так сложилось. Мой мастер Людмила Николаевна Новикова вложила в меня ощущение правильного театра, импровизационного театра, поиска чего-то нового и дала энергию на последующие годы. Хотя я обожаю сниматься в кино. Это как наркотик.

– *Я слышала такое о сцене...*

– Да, это два тяжелых наркотика, на которых я сижу всю жизнь.

– *Анатолий, спасибо за разговор. И позвольте напоследок небольшой блиц.*

– Давайте.

– *Пляж или горы?*

– Горы.

– *Поэзия или проза?*

– Поэзия.

– *Кофе или чай?*

– Кофе.

– *Сон или вечеринка?*

– Сон.

– *Свобода или деньги?*

– Свобода.

– *Вино или вода?*

– Вино.

– *Спокойствие или страсть?*

– Страсть.

– *Успех или удовольствие?*

– Удовольствие.

– *Достоевский или Толстой?*

– Ммм... Толстой.

– *Бродский или Пастернак?*

– Не могу выбрать. Оба горячо любимые.

– *Последняя понравившаяся книга?*

– «Русский роман» Меира Шалева. Это история становления Израиля. Меня эта книга очень впечатлила: я почувствовал в себе что-то корневое, кровное, очень мощное.

– *Закончите фразу «Родина – это...»*

– Брацлав.

– *Сильный человек – это...*

– Тот, кто умеет признаваться в своей слабости.

– *Без чего жизнь не имеет смысла?*

– Без любви. Однозначно. Потому что жена, дети, работа – это три кита, и это все любовь. Это все про любовь.

Рамаз Размадзе

ПАЛИТРА ЦВЕТОВ РАМАЗА РАЗМАДЗЕ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Высокий, статный мужчина в черной куртке подъезжает на крутом мотоцикле к дому, ставит своего «коня» недалеко от двери и уверенным шагом поднимается по ступеням. Он входит в небольшую мастерскую, неспеша снимает байкерское одеяние и берет в руки кисть. Поочередно окунает ее в разведенную палитру масляных красок и делает несколько мазков на холсте. Это будет картина под названием «Сололаки», ее создатель – Рамаз Размадзе, художник по призванию и архитектор по профессии. Его полотна неоднократно выставлялись в галереях Европы и Америки и хранятся в частных коллекциях ценителей искусства во многих странах мира.

В столичной галерее «lArt», где состоялась персональная выставка художника, от наплыва посетителей яблоку негде было упасть. Гости с интересом рассматривали работы и выражали автору восхищение от увиденного. Большинство картин написаны маслом, также было представлено несколько графических работ. Художник с большой охотой рассказывал гостям историю создания каждого полотна. На одном из них видна узкая улочка Старого города, двухэтажный дом №26 с деревянным балконом и железными воротами черного цвета, по длине всего фасада тянется массивная «газовая» труба, а в дверном проеме, на темном фоне, изображена похожая на легкую дымку фигура ангела-хранителя. «Это дом в Сололаки, теперь там все изменилось, и этой двери уже нет», – пояснил Рамаз.

Мое внимание привлек отличающийся особой оригинальностью автопортрет Размадзе. Обычно художники создают автопортреты в «классическом» понимании этого слова – с палитрой или кистью в руке, на этой же картине мы увидели Рамаза сидящим в профиль в парикмахерской, а цирюльник в синей майке колдовал над его прической. На полотне видна тривиальная раковина с серыми шлангами, а позади, в глубине, вырисовывались контуры деревьев. «Он был несказанно рад, что я нарисовал его на своей картине», – признался Рамаз, рассказывая о том, какой восторг вызвала картина у его парикмахера.

Страсть художника к мотоциклам нашла отражение в одной из работ, названной «Сын байкера», примечательно, что на месте лица мотоциклиста нарисовано зеленое яблоко.

Полотно под названием «Карнавал» состоит из двух разных сюжетов, органично соединенных воедино, в левой части картины виден зимний сельский пейзаж с кучером в теплом пальто и повозкой, изображение которой плавно переходит в итальянскую гондолу. В лодке сидят трое пассажиров в костю-

«Сололаки»

мах венецианского карнавала и гондольер в белой униформе.

ОТ СЮРРЕАЛИЗМА ДО АБСТРАКЦИИ

Несколько лет назад художник был серьезно увлечен сюрреализмом и нарисовал много картин в этом стиле. На сайте онлайн арт-галереи «Saatchi Art» так описана манера живописи Рамаза: «Художественная техника Размадзе отражает таинственный мир сюрреалистических композиций, персонажей и ситуаций, а его реалистическая манера письма делает «неральные» композиции и объекты «настоящими». На художника большое влияние оказала грузинская культура и городская архитектура, а также древнегреческая и римская история и искусство. Часто он черпает вдохновение в полуразрушенных зданиях Старого Тбилиси, и в древних римских и греческих барельефах, увиденных им во время путешествий».

«Сын байкера»

По словам Рамаза, картины, которые он выставил на суд зрителей в галерее «I Art», вдохновлены не только и не столько творчеством Дали и Магритта. Гораздо большее влияние ока-

зали работы Мунка, Мондриана, Климта, импрессионистов. Как сказал Размадзе, есть художники, которые работают в одном конкретном направлении много лет, а есть те, кто постоянно

что-то меняет, без изменений остается только почерк автора. Именно к их числу принадлежит Рамаз. «Выставка интересна тем, что здесь показан переход от сюрреализма к более спокойным, обычным темам. Но картины написаны свойственным мне почерком и максимально далеки от реализма. Я владею техникой, типичной для реалиста, но реализм мне совершенно неинтересен, он для меня лишь инструмент. Сюрреализм для меня уже скучен, и теперь я стал находить больше удовольствия в максимальном отходе от реализма. Даже на грани абстракции», – отметил Р. Размадзе, добавив, что ему сейчас более интересен сам процесс создания картины, чем то, что о ней скажет публика, или как эти работы будут продаваться.

К слову, художник активно использует известные зарубежные интернет-платформы для продажи работ. Он считает, что современные живописцы могут с успехом реализоваться с помощью подобных ресурсов, так как эти сайты позволяют авторам ознакомить со своим творчеством широкую аудиторию. «Молодежь сейчас осуществляет многие свои проекты в интернете, используя новейшие технологии. Зачастую мы даже не понимаем, что они делают, но они талантливее нас. Нам все-таки было гораздо сложнее заявить о себе. Сейчас намного больше возможностей для творческих людей», – подчеркнул Р. Размадзе. По его словам, многие художники могут открыть канал на YouTube и показывать пользователям этой социальной

сети этапы создания картин, приобретая таким способом подписчиков и получая доход.

«А ТЫ ДОПИШИ ЭТУ МЕДСЕСТРУ»

В своем давнем интервью журналу «Русский клуб» Рамаз рассказывал, что впервые нарисовал картину масляными красками в десятилетнем возрасте – было это во время школьных каникул, когда мальчик отдыхал в Кечхоби. Тогда он с интересом наблюдал, как один художник рисовал картину с палитрой в руках и этюдником. Живописец заметил Рамаза и предложил ему самому попробовать нарисовать на холсте. Как вспоминал Р. Размадзе, «работа получилась интересная». А в 15 лет он стал учеником известного грузинского художника Махарэ Джанелид-

«Автопортрет»

зе. «Мой учитель имел академическое образование, работал в реалистической манере. По прошествии многих лет, я хорошо понимаю, что мне тогда очень повезло». На протяжении пяти лет юноша кропотливо трудился под руководством Джанелидзе, отшлифовал уже имеющиеся навыки, приобрел новые. Несмотря на большое увлечение живописью, Рамаз избрал для себя чисто техническую профессию, окончил Политехнический институт, став архитектором. Оглядываясь назад, Размадзе ничуть не сожалеет о том, что не продолжил учебу в Академии художеств, напротив, даже очень доволен этим и не считает, что полученные у Махарэ Джанелидзе знания чем-то уступают художественному ВУЗу. «Он дал мне больше, чем дали бы все лектора академии вместе взятые. Махарэ работал в направлении соцреализма, создавал большие монументальные работы и доверял мне писать на своих полотнах. Джанелидзе мне частенько говорил – вот сейчас я иду пить с друзьями, а ты допиши эту медсестру».

Еще в бытность начинающим художником, Рамаз стал получать заказы на картины.

Первая персональная выставка состоялась в 1990 году. Затем в стране настало «смутное время», и Размадзе, подобно тысячам своих соотечественников, пришлось осваивать несколько других профессий. Когда политическая ситуация постепенно улеглась, Рамаз вернулся к живописи и стал активно создавать новые картины. Он работает в различных техниках живописи, включая масло, гуашь, акварель и тушь. Примечательно, что Рамаз пишет не только картины, но также расписывает мебель и ... мотоциклы. «Железный конь» – большая страсть художника, это как бы потребность, без которой он не представляет своей жизни, поэтому и живопись применил в дизайне мотоциклов. «Расписываю все, что плохо лежит. Все, что могу сделать другим, – делаю!» – пошутил Рамаз. Он признался, что ему чужд свойственный многим творческим людям мучительный поиск вдохновения, ему непонятно, что такое муза – вдохновение у него есть всегда, было бы время для написания картин. Днем Размадзе занят повседневными делами, а по вечерам уединяется в мастерской. Идеи для новых

полотен приходят как-то сами по себе. «И я глубоко убежден, что идеи нужно воплощать сразу и именно так, как ты их увидел. У меня нет приблизительного, расплывчатого представления о том, что я собираюсь делать. Я вижу работу заранее – целиком и полностью, в мельчайших деталях, и должен точно так же перенести ее на холст», – сказал художник.

Если судить по полотнам, которые были представлены в галерее «IArt», Рамаз Размадзе с одинаковой скрупулезностью относится ко всем своим картинам, среди них нельзя встретить «проходные» работы, созданные исключительно с целью заработка. В связи с этим мне на память пришел один абзац из его давнего интервью: «Я не могу позволить себе халтурить. К примеру, Спилберг снимет коммерческое кино и заработает денег на серьезную картину. У меня никогда не было таких работ, на которых я зарабатывал бы деньги, а от других – получал удовольствие. Ко всем моим работам у меня одинаковый подход – некоммерческий. Но, каким-то чудом, по непонятным мне причинам, их покупают».

«Карнавал»

ДЛЯ НЕУДАЧИ НЕТ ШАНСА

■ **Нелли СКОГОРЕВА**

У нас в гостях – один из самых удивительных и интересных людей в мире искусства, известный актер, певец, теле- и радиоведущий, дипломированный врач-психиатр и практикующий психотерапевт Александр Рапопорт.

– Александр, вы известный врач-психотерапевт, снимающийся в кино и играющий в театре «Современник». Как это получилось?

– С самого детства я мечтал именно об актерской профессии. Как все дети, читал стихи, стоя на стульчике. Меня хвалили, и это мне очень нравилось. Но мой умный папа говорил, что актерство нельзя делать профессией, потому что дело это нестабильное и

очень зависимое, лучше выучиться на врача. У нас в семье царили любовь и уважение друг к другу. Я не мог ослушаться отца. В итоге оказался студентом Пермского медицинского института. Учеба мне не очень нравилась, пока на четвертом курсе у нас не начался курс психиатрии, который вел профессор Виктор Степанович Гуськов. А он был удивительно похож на знаменитого тогда артиста Андрея Попова. И я вдруг по-

нял, что профессии актера и психиатра очень похожи. И несмотря на то, что в это время меня пригласили в известный оркестр Олега Лундстрема вокалистом, я все-таки остался в институте. Хотя уже собирался бросить.

– Чем же похожи эти две профессии?

– К психотерапевтам обращаются люди, как правило, не очень счастливые. Наша задача – научить их стать счастливыми. Для этого нужно поменять свое поведение. Поэтому ты, как режиссер, предлагаешь собеседнику «новую роль». Он должен сначала как бы надеть маску счастливого человека, а через какое-то время он привыкает быть счастливым и становится им на самом деле. Так работает система Михаила Чехова. На этом же принципе основана работа всех режиссеров-застройщиков – Михаила Козакова, Владимира Меньшова, Евгения Арье, Михаила Ефремова. Они показывали актерам рисунок роли. Хотя я владею и гипнозом, и психоанализом, и гештальтом, и другими методами психотерапии, но, если передо

мною сидит образованный человек, имеющий определенную ментальность, бесполезно применять к нему рассудочную терапию. Он скажет: «Это понятно, но что делать?». Поэтому я просто объясняю, что делать: ставлю задачу и предлагаю инструменты для ее осуществления, очень подробно «показываю» собеседнику каждый его шаг, необходимый для достижения цели. Если мой подопечный в точности повторяет то, что и как я показываю, то для неудачи нет шанса – у человека меняется поведение, и он достигает желаемой цели.

– Значит, психотерапевт – это

все-таки режиссер? А откуда у вас мечта стать актером? В вашей семье кто-то имел отношение к искусству?

– Вы удивитесь, но мой папа тоже был и психотерапевтом, и актером... Первая картинка в моей памяти – папа, который репетирует роль Сатина в пьесе «На дне» и говорит: «Человек – это великолепно! Это звучит гордо». И дальше: «Работай, работай, а для чего? Чтобы быть сытым? А вы сделайте так, чтобы работа была мне приятна, вот тогда я, может быть, буду работать». Я слышал это каждое утро, лежа на своем сундучке в нашей 15-метровой

комнатке. Следую этому правилу и сейчас: делай то, что приятно, и будешь счастлив... Еще до войны он учился на зубного техника и одновременно – в театральной школе. Прошел всю войну. Работал актером в Березниковском драматическом театре, но так как денег не хватало, приходилось подрабатывать – токарем, буровым мастером, водолазом – казалось, он умеет все. Конечно, я хотел быть похожим на отца. Одновременно с отцом в этом театре служил Георгий Бурков, дядя Жора. В театре все хохмили – над собой и друг над другом. Бурков всегда делал это с серьезным лицом. В Березниках жили недавно освобожденные из лагерей и их родственники с одной стороны, а еще – сотрудники МВД. В народе Березники называли «городом без фраеров». Там формировалась моя мужская жизнь. Второклассником я впервые выступил на сцене, спев песню «Город над вольной Невой». Ходил в школьный драмкружок. А в институте наш драмкружок вел Петр Вельяминов. Все помнят его по фильмам «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень». А для нас он был тогда просто Петя. Закончив институт, я вернулся в Березники дипломированным специалистом. Работал психиатром. Но стремление к актерству буквально сжирало меня изнутри. Я пел в составе местного ВИА, а позже, переехав в Москву, начал сниматься в массовках и, конечно, работал по специальности – дежурным психиатром по городу. В этот период у меня с властью предрержащими обнаружилось расхождение во взглядах на критерии показаний для неотложной принудительной госпитализации в психиатрические больницы. В результате меня «изъяли из обращения» на четыре года. Когда я вышел, захотелось начать все сначала, но я понимал, что в Советском Союзе это невозможно. В результате, пройдя восемь европейских стран, я со своей семьей оказался сначала в Барселоне, а потом в Нью-Йорке.

– В Америке, очевидно, надо было выживать. Что стало с творческими порывами?

– В Нью-Йорке я сначала работал таксистом, потом практикующим

врачом-психотерапевтом. Вечерами я приходил в русский ресторан, выпивал 50 граммов, шел к сцене и просил разрешить мне спеть. Музыкантам это, конечно, не нравилось – кому нужны конкуренты? Они говорили: «Доктор, подходи после часа ночи». Я сидел за столиком и ждал. Как-то ко мне подошел Виктор Рябков, руководитель одного из музыкальных составов ресторана «Националь» на Брайтоне: «Я вижу – тебе нравится петь, а мне нужны деньги, давай запишем что-нибудь в профессиональной студии». И я спел «Белый лебедь на пруду». Он послушал и сказал: «Ну что – петь ты не умеешь, петь вообще сейчас мало кто умеет, но в ноты попадаешь, тембр приятный, давай попробуем». И познакомил меня с поэтом и композитором Игорем Газархом, который, на основе моих рассказов, написал 12 песен. Мы выпустили альбом. Стоило это немало, но я не жалею. Витя сказал: «Я тебе добавил 20 лет жизни». Еще бы, это же был шаг к мечте. Потом сняли клип. Его увидел режиссер Слава Степнов и пригласил меня в свой театр «Степс» на небольшую роль в спектакле по пьесе Александра Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Так случилось, что в этом театре работал режиссер, преподававший в знаменитой школе Ли Страсберга – Дэвид Гидеон. Он сказал: «Алекс, ты не хочешь посидеть у меня на занятиях?» – «Ты шутишь? Я только об этом и думаю!» Я, конечно, запустил работу психотерапевта и маниакально ходил на занятия. Месяца через три Дэвид подводит меня к руководству школы и говорит: «У него нет документов. Но я его знаю – это очень известный русский актер. Давайте примем его на двухгодичный курс». Строгая женщина спросила: «А сколько ему лет?» Дэвид ответил: «Этот вопрос дискриминационный и не имеет права на существование». И я стал учиться за 15 тысяч долларов в семестр. Там были замечательные педагоги, но наиболее сильное впечатление на меня произвели мастер-классы Аль Пачино, Мерил Стрип, Майкла Кейна. Когда я окончил курс, мне было 54 года.

– Вы получили актерское образо-

Галина Данелия-Юркова, Георгий Данелия, Александр Рапопорт

вание на английском языке. А как начала складываться творческая карьера в России?

– Дело в том, что Нью-Йорк подарил мне много интересных встреч с людьми из России. Например, однажды я встретил своего приятеля легендарного Мишу Гулько в компании с великим поэтом Михаилом Таничем. Познакомились. Я приехал в Москву и позвонил ему: «Здравствуйте, я Александр Рапопорт, психотерапевт из Нью-Йорка, помните?». Он отвечает: «Мне психотерапевт не нужен» – и бросает трубку. Я перезваниваю: «Михаил Исаевич, не вешайте трубку, я хочу взять у вас песню». – «Что значит – взять? Они денег стоят вообще-то». – «Конечно, я имею в виду – купить». – «Ну, приезжай». Приезжаю к нему на Садовую-Черногрязскую. На мне черное пальто и длинный белый шарф. Лидия Николаевна Козлова, жена Танича, встречает меня словами: «О, а вот и Модильяни!». Непонятно. Но вскоре все прояснилось. «Понимаешь, – говорит Танич, – я написал стихи и не знаю, кому их отдать – Кобзону, Лещенко, Леонтьеву? А у тебя фактура подходит, ты на Модильяни похож. Может, тебе?» – «Конечно!» Я послал эти стихи в Нью-Йорк Илье Словеснику, поэту и композитору, и он за ночь написал музыку. Мы записываем эту песню. Ее крутят на радио. В результате я становлюсь лауреа-

том премии «Шансон года» 2002 года.

– Каким образом в вашу жизнь вошло кино?

– На «Кинотавре» я встретил Георгия Данелия и его жену Галю, с которыми был знаком еще с Нью-Йорка. Кстати, в Нью-Йорке у нас произошел интересный разговор. «Георгий Николаевич, вы – мэтр, а я – молодой актер почтенного возраста, мне уже 55 лет, посоветуйте, как мне побыстрее войти в профессию?» – «Вы меня спрашиваете, по какой дороге вам лучше идти, чтобы там кошелек лежал? Смотрите под ноги. Но если серьезно, идите на «Мосфильм» и там просто ходите по коридорам – у вас такая фактура, что со временем вас начнут окликать». Но на «Мосфильм» без пропуска не попасть. И тут мне помогла Галя. Ее подруга, Люся Великая, работала кастинг-директором. На Галин вопрос: «Скажи, разве это лицо можно не снимать в кино?», она, посмотрев на меня, выдала судьбоносную фразу: «Завтра можешь?» – «Я мог бы и вчера, и позавчера». На следующий день я снимался в роли чекиста Кузнецова, на руки которого падал Ленин после покушения. А потом сбылось предсказание Данелия – я был на «Мосфильме», на меня обратили внимание и предложили роль шефа ЦРУ в фильме «Зеркальные войны». Дальше мне предложили сыграть роль

С Кахи Кавсадзе

С Вахтангом Кикабидзе

С ансамблем «Сакартвело»

вора в законе в нашумевшем сериале «Зона». И я, как говорится, проснулся знаменитым.

– Значит, Георгий и Галина Дanelия сыграли важную роль в вашей жизни. Кстати, вы когда-нибудь были в Грузии?

– В первый раз я попал в Грузию в возрасте... 23 дней. У меня свидетельство о рождении на грузинском языке! Я родился в Болгарии в городе Казанлык и прожил там 23 дня, после чего

родители повезли меня в Советский Союз. Ехали мы по Черному морю, вышли в городе Батуми, там меня и зарегистрировали на грузинском языке. Позже, в школьные годы, мы с родителями часто ездили отдыхать на грузинское побережье, где я научился немного говорить по-грузински. И даже однажды получил за это подарок. Сажу на пляже в Леселидзе, идет продавщица чурчхелы. Спрашиваю: «Ра гирс?» Она: «Эрти манети». Я говорю: «Эрти, ори, сами, отхи, хути, эквси, швиди, рва, цхра, ати». Она смотрит на меня и спрашивает по-русски, медленно: «Кто ты?» Я отвечаю: «Эбраэли». Она в ответ: «Ну, ничего, ничего...». Успокоила. И подарила чурчхелу. У меня много друзей из Грузии. Например, Зураб Кекелидзе, генеральный директор Национального центра психиатрии и наркологии имени Сербского, в 70-ые годы мы с ним работали в одном отделении в больнице Кашенко. С Вахтангом Кикабидзе меня познакомила его сестра Нина Цагарели в российском консульстве в Нью-Йорке. С Кахи Кавсадзе в Москве познакомила тоже его сестра. На отдыхе в Хосте мы с женой подружились с Мерабом Тавадзе и Изой Гигошвили, тогда еще не звездами. С Ией Нинидзе мы в приятельских отношениях, периодически встречаемся на фестивалях, всегда поем песни на грузинском. Недавно на юбилей моего друга, актера Жоры Мартиросяна, выступал грузинский ансамбль «Сакартвело». Мы вместе спели «Тбилисо», причем второй куплет я тоже пою на грузинском, хотя его принято петь в переводе. У нас в «Современнике» – грузинское кафе, актеров и зрителей кормят великолепные грузинские повара. Там я поддерживаю свой грузинский язык, а прелести хачапури, харчо, чахохбили и других блюд даже не буду описывать. В театре это называется атмосфера.

– Как вы стали актером театра «Современник»? Это все-таки репертуарный театр...

– Я прилетел в Пермь. Звонок, продюсер говорит: «Пермь слетела». Через десять минут: «Екатеринбург тоже слетел». В общем, слетело все. Надо возвращаться в Москву. Еду в аэропорт, злой. Звонок. «Ну, что еще

слетело?» – «Александр, это Валентина Фотева, завтруппой театра «Современник». Вы в Москве?» – «Прилечу через четыре часа, а что случилось?» – «Мы сейчас сидим с Галиной Борисовной, Евгением Михайловичем Арье, Сергеем Юшкевичем. У нас тут проблема с одной ролью, не можем подобрать актера. Сережа предложил вас. Приезжайте». Прилетаю в Москву, весь город в пробках, на метро мчусь в театр. Взлетаю на пятый этаж. Арье поднимает глаза: «Так, типаж мне подходит. А вы нас не подведете?» На мой непонимающий взгляд говорит с иронией: «Но вы же где-то снимаетесь?» – «Я перестану сниматься. Я дышать перестану». Через два месяца была моя первая премьера. Так двенадцать лет назад начался мой «Современник»...

– Значит, если бы тур не сорвался, то вы не попали бы в «Современник»? Как вы относитесь к случайностям и закономерностям?

– Вспоминаю июль 1980 года. Я пошел на похороны Владимира Высоцкого, показал оцеплению свои корочки дежурного психиатра, и меня поставили почему-то в делегацию театра «Современник». Вот что это? Ведь с юности, когда я думал о театре, почему-то всегда представлял именно «Современник»... Кстати, музыкальную премию «Золотой гриф» на «Шансоне года» вручал мне Никита Высоцкий, с отцом которого я был знаком с 17 лет... Там, наверху, что-то действительно происходит... А на ваш вопрос отвечаю так: тот факт, что мы наблюдаем за планетами, дает основание предположить, что за нами также кто-то наблюдает. Факт удачи важен, но если ты должен ходить в те места, где удачу раздают. Она сама тебе на голову не свалится. Я же все время рвался в эти ворота – и в Березниках, и в Нью-Йорке, и в Москве. В советском обществе принято было считать, что скромность украшает человека. А в Нью-Йорке я увидел плакат «Скромность – путь к неизвестности». И мне это более близко. Надо напоминать о себе. Я периодически звоню и продюсерам, и режиссерам, и кастинг-директорам, и много ролей получил благодаря этому.

Наш мир – мир конкуренции.

– *Кстати, о конкуренции... Актерам свойственна зависть к коллегам. Вы сталкивались с этим?*

– Если говорить обо мне, то вместо зависти у меня сожаление, что не я так сделал. В силу того, что я не так давно в актерской профессии, иногда я спрашиваю у коллег, как лучше что-то сделать и, вы знаете, не все мне отвечают... Чаше говорят: «Ну, ты же сам все знаешь». А я знаю далеко не все. Например, однажды Мария Аронова спросила, умею ли я смеяться и плакать «технически». Я ответил, что умею. А она: «Ни хрена ты не умеешь». И научила меня этому. Немногие актеры «Современника» могут так помочь. Всегда подскажут Марина Неелова, Алена Бабенко, Сергей Юшкевич. Я это очень ценю. Мой учитель Майкл Кейн говорил: «Знаешь, чем отличается хороший актер от плохого? Количеством штампов. Хороший актер – разный, потому что обладает большим набором приспособлений, техник, и, главное, умеет включать их по щелчку. Если вам понравилось что-то у де Ниро или Аль Пачино, своруйте (только он употреблял более смачное слово), потому что, я вас уверяю, они тоже это у кого-то своровали. Но воруйте только у лучших».

– *Можете ответить, как психотерапевт, актеры – что это за люди по психотипу?*

– Я воспользуюсь одной из классификаций психотипов: истероид, шизоид, астеник, гипертим, эпилептоид. У подавляющего большинства актеров преобладают черты истероидного психотипа. Это человек, вокруг которого должен крутиться мир. Ему нужна аудитория, без нее он не существует. Один из мотивов прихода в эту профессию – быть одобренным, любимым, узнаваемым. И если какой-нибудь актер мне говорит: «Как я не люблю, когда кто-то подходит, фотографируется, берет автографы», я говорю: «Не надо ля-ля своим ребятам». Конечно, если бы я стал актером в молодости, не знаю, как сложилось бы. Но сейчас могу сказать твердо: мне приятно, когда узнают, берут автографы, фотографируются. И хотя той остроты, которая была поначалу, уже нет, но все рав-

но приятно. Я отношусь к себе легче, чем большое количество актеров – вот в чем дело. Это огромная проблема людей и артистов в частности: нельзя относиться к себе чрезмерно серьезно, надо самоиронию включать. И к жизни надо относиться легче, как к игре.

– *К вам наверняка обращаются за помощью красивые, успешные актрисы, ведь они часто остаются несчастными в личной жизни. Что вы им советуете?*

– Я отвечаю: «Ты же не даешь этому произойти, потому что у тебя в голосе, в подаче, в пластике, в намерении – Екатерина Вторая». Очень многие женщины, становясь актрисами, в личном плане настолько погружаются в ощущение профессии, что, уходя с работы, забывают «уйти с работы». В таких случаях я им говорю: «Ты с броневичка-то слезай». А «слезание с броневичка» для актрис труднее всего. В актерской профессии твой профессиональный рост, твои амбиции предполагают первенство. Ты привыкаешь быть лидером, паровозом,

генералом... И вот надо прийти домой и выйти из роли прима, а неохота – только что зал рукоплескал... Счастливые исключения, конечно, случаются, но это зависит уже от мужчины. Хорошо, если удастся найти мужа, который осознает, что значит быть женатым на актрисе и принимает положение вещей. Но не всем так везет.

– *Вы освоили две интереснейшие профессии. Есть еще какие-нибудь творческие планы?*

– Знаете, Андрей Максимов – писатель, журналист, драматург, режиссер и телеведущий, а также мой друг, сказал мне как-то: «Саша, ты будешь преступником, если не напишешь книгу». И я с ним согласен. История моей жизни могла бы стать стимулом для людей рефлекслирующих, сомневающих в себе. Возможно, она кому-то поможет. Очень хочется не только написать книгу, но и снять по ней фильм. Для этого нужно всего-навсего начать работать над новой ролью – ролью рассказчика.

Петербургская духовная академия. Здесь М.-Г. Сабинин защитил диссертацию, не имея диплома гимназии

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

«Иверия (Грузия) после того, как озарилась светом Евангельской проповеди от самого апостола Андрея и св. Нины, до сего времени тщательно и свято хранит данное ей Богом сокровище. Подобно небу, блистающему мириадами звезд, она просияла целым сонмом святых угодников Божиих, которые, свидетельствуя о чистоте ее веры, служат ей несомненным залогом спасения, — писал о своей родине русский по происхождению Михаил Сабинин, считавший себя грузином. — Церковь Иверская многократно подвергалась притеснениям и претерпевала тяжкие бедствия. На нее нападали как греки с целью сделать Грузию своей провинцией для защиты от нападений персов, так и своекорыстное папство с запада, старавшееся всеми возможными средствами подчинить святую Церковь Иверскую своему престолу». Вот, что подчеркивал этот историк и агиограф Грузинской Церкви, один из известней-

ших церковных деятелей и просветителей XIX века:

«Защитой чистоты православия в Иверии были пастыри и учителя, украшенные христианскими добродетелями, а перед врагами иноверными христианами отстаивали свои права, претерпевая всевозможные мучения, страдания и, наконец, смерть. Кровожадные деспоты Востока: Тамерлан, Чингисхан и другие, потом магометанские государи, от окаянного Мурвана Глухого до шаха Аббаса, и, наконец, турки — беспощадно терзали Церковь Христову. Но благое Промышление Божие хранило и хранит святую Иверию от окончательной гибели, врагам ее не удалось исполнить свои преступные замыслы, разбившиеся в прах перед стойкостью ее героев-мучеников и героинь-мучениц».

Родился Михаил в 1845 году в Тифлисе, в семье переехавшего из Твери священника Павла Сабинина и грузинки Екатерины Мирзашвили. В начале 1860-х отец умирает, мать выходит замуж за чиновника

местной Почтово-Телеграфной конторы Г. Панова, и тот помогает ей растить двух сыновей и дочь. Михаила отправляют в лучшее учебное заведение Грузии — Тифлисскую классическую гимназию. И там проявляется его главный интерес — к истории своей родины и, особенно, к ее Церкви.

Причем, интерес этот имеет и практический, так сказать, «прикладной» характер. Много поездив по Грузии в гимназические годы, Михаил копирует росписи старинных церквей, записывает сказания и легенды о них, собирает церковные артефакты, которые могут быть утрачены. Гимназист Сабинин даже отправляет экзарху Грузии Евсевию ходатайство о создании часовни святого мученика Або Тбилисского возле Метехского храма в столице Грузии. Або — араб, в VIII веке принявший христианство и проповедовавший его в Тбилиси. По приказу эмира обезглавлен у входа в церковь Святых Сорока Севастийских Мучеников. Она была на территории нынешнего района Ортачала, в 1924 году ее разрушили,

М.-Г. Сабинин. Фото предоставлено монастырем Бодбе

после 1998-го восстановили.

А в XIX веке тифлисский гимназист просит экзарха не только благословить создание часовни у того места, где прах святого был развеян над Курой. Но и перед тем, как начать работы, сделать то, с чем и по сей день власти безуспешно борются на городских улицах, — очистить перед будущей часовней место, занятое всевозможными лавчонками. И в то же время, не ограничиваясь ходатайством, Михаил активно участвует в создании новой иконы святого Або.

Какова же реакция на его

просьбы? Их поддерживает главный священник войск Кавказского военного округа Стефан Гумилевский, но резко не одобряет благочинный Тифлисского кафедрального собора (помощник епископа, выполняющий административные обязанности по отношению к церквям с их приходами) Иоанн Басхаров. А вот об официальном ответе экзарха ничего не известно.

Казалось бы, эти предложения могли заинтересовать человека, учредившего библиотеку при Тифлисской Духовной семинарии, основавшего при монастыре Самтавро грузинское училище для девочек духовного звания, освятившего обновленный Сионский собор после росписей Григория Гагарина, утвердившего устав женских епархиальных училищ, в который наряду с другими учебными дисциплинами, вошло и изучение грузинского языка с историей Грузии. Но, как известно, у каждой медали есть две стороны. Вот, что вспоминает о Евсевии выдающийся государственный и политический деятель Сергей Витте, родившийся и выросший в Тифлисе: «Будучи экзархом, он держал себя совершенно недостойно. Так, напр., мне еще мальчику тогда случайно было известно, что он жил с одной девушкой, — эта девушка была племянницей моей няньки. Вообще, он вполне открыто вел жизнь совершенно не монашескую».

А это — о Евсевии в книге

«Церковные вопросы в России, или русские духовные ведомости Браила», изданной в 1896 году. Экзарх предстает «невоздержанным в жизни, сластолюбивым, любившим роскошь, и особенно отличавшимся страстью к деньгам, который не только не следил за сохранностью церковных ценностей, но даже способствовал расхищению сокровищ бывшей патриаршей ризницы католикосов, богатой Гелатской ризницы и кафедральных соборов Грузии».

В общем, просьбы Сабинина не выполнены, но это — полгоря. Одаренный юноша, фактически уже избравший жизненный путь, проваливается на выпускных экзаменах в гимназии. Подводят неуступчивый характер и недовольство тем, как организован учебный процесс. И Михаил решает поступить не куда-нибудь, а в Петербургскую духовную академию. Но гимназического-то диплома у него нет, приходится стать вольнослушателем. И время он использует не только для учебы.

По грузинским рукописным первоисточникам он издает «Полное жизнеописание святых грузинской церкви», которое намного подробнее книг, ранее написанных на эту тему. В нем — три тома, которые и по сей день наиболее популярны среди трудов на русском языке о грузинских святых. А в 1874-м журнал «Домашняя беседа» печатает его перевод полемического трактата средневекового грузинского церковного деятеля

Иоанн Багратиони

Давид Чубинашвили

Вано Мачабели

М.-Г. Сабинин. «Слава Грузинской Православной церкви»

Арсения Сапарели об истории стран Южного Кавказа на фоне взаимоотношений с Византийской и Персидской империями.

В том же году наступает срок выпускных экзаменов в академии, и на помощь вольнослушателю без гимназического диплома приходит Петербургский митрополит Исидор (Никольский). До Евсевия он был экзархом Грузии, полюбил эту страну и помогал выходцам из нее. Так Михаил получает возможность сдать все экзамены и представляется на соискание степени кандидата богословских наук работу «История Грузинской Церкви с древнейших времен до VI века». В 1874 году – ее успешная защита. Как и «Полное жизнеописание святых грузинской церкви», она создана по грузинским первоисточникам.

А в последний год учебы ее автор принимает постриг под именем Гоброн. В честь вели-

комученика X века Михаила-Гоброна, полководца, замученного тюрками за отказ принять ислам. Под этим именем Сабинин в 1882 году выпускает на грузинском языке капитальный труд «Рай Грузинской Церкви», и сегодня остающийся весьма актуальным. В нем – агиографии, описания жизни и деятельности пятидесяти (!) грузинских святых. Но и этой огромной работы ему мало – каждую биографию он с блеском иллюстрирует собственноручно созданными литографическими иконами.

В то время, когда Сабинин учится в Петербурге, в этом городе образуется довольно большая, активная грузинская диаспора. И Михаил просто не может не войти в круг замечательных представителей своей родины. Вот те, с кем он наиболее сблизился:

Его Царское Высочество,

царевич Иоанн Багратиони-Грузинский, прямой потомок по мужской линии последнего грузинского царя Георгия XI, глава Дома Багратиони в 1830-1880 годах. Многие считали его претендентом на грузинский престол. Будучи за границей, царевич подружился с Александром Герценом, и есть сведения, что не только, говоря по-современному, спонсировал знаменитый журнал «Колокол», но и был автором двух неподписанных статей в нем – «Из Тифлиса» и «Из Грузии».

Картвелолог и лексикограф Давид Чубинашвили, основоположник систематического изучения грузинского языка в России, автор первого большого грузинско-русского словаря и первый в истории профессор грузинской словесности, удостоенный к тому же должности заслуженного профессора Петербургского университета. Дважды удостоился Демидовской премии – самой почетной негосударственной награды России для ученых, внесших выдающийся вклад в развитие наук. В течении 26-ти лет был переводчиком с грузинского языка при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

Писатель, переводчик и публицист Ванно Мачабели, учившийся в Германии и Франции. Будущий известный шекспировед и педагог, один из основателей нового грузинского литературного языка, первого Грузинского драматического общества и «Общества распространения грамотности среди грузин». Станет главным редактором ведущих национальных газет Грузии «Иверия» и «Дрозба».

Что же больше всего сблизит молодого историка и агиографа именно с этими людьми? А то, что двое из них занимаются тем же, чему он посвятил свою жизнь. Багратиони – широко известный собиратель памятников грузинской письменности, исторических реликвий, уникальных изделий художественной чеканки. Чубинашвили собирал в различных книгохранилищах и в семьях грузинской диаспоры старинные печатные и рукописные образцы грузинской

М.-Г. Сабинин. Святая Нино

поэзии и прозы, и исторические памятники. А вместе Мачабели и Сабинин организуют для грузинских студентов театральное представление на исторические темы и делают доходы среди самых бедных из них.

Вернувшись на родину, Сабинин вновь уходит в художественное творчество – к нескольким десяткам литографических изображений святых он добавляет ставшую знаме-

М.-Г. Сабинин. Або Тбилели

нитой икону «Слава Грузинской Православной Церкви». Ее отпечатали типографским способом в 1889 году в Лейпциге, через шесть лет – в Берлине, и она появилась во всех уголках Российской империи. В ее основе – та, что хранится в мцхетском храме Светицховели, правда, дополненная деталями.

Композиция этой иконы сложна, тщательно продумана в деталях и символах. В ее центре – Животворящий Столп и Ангел, поддерживающий его в воздухе. Над ними – благословляющий Христос, справа от него – Богоматерь и небесный покровитель Грузии, святой великомученик Георгий Победоносец. Слева – святые апостолы Андрей Первозванный и Матфей. Под столпом лежит святая Сидония с Хитоном Господним, а по обе стороны от Столпа стоят грузинские святые...

А еще Сабинин начинает исследовать, в каком состоянии находятся наиболее почитаемые святые места Грузии. И поскольку это состояние, мягко говоря, далеко от желаемого, приступает к восстановлению и благоустройству старинных храмов и монастырей. Первым в списке таковых – монастырь Бодбе в Кахети. Там находятся мощи святой равноапостольной Нины, принесшей в Грузию христианство. Она умерла 67-летней, в 347 году, после 35-ти лет просветительской и подвижнической деятельности. Над ее могилой возвели храм в честь Святого Георгия, а рядом появился монастырь.

Долгое время это место было важным культурным и религиозным центром, цари Кахети даже короновались здесь с XV века. Обитель разрушалась захватчиками, восстанавливалась, в монастыре появилось одно из крупнейших в Грузии хранилищ религиозных книг. Но после отмены автокефалии Грузинской Церкви в 1811 году монастырь приходит в упадок. И вторую жизнь обители дарует ни кто иной, как Михаил-Гоброн Сабинин.

Он организует сбор пожертвований аж по всей Российской империи, и полученной суммы вполне хватает, чтобы не только реконструировать храм

с мощами Нины, установить в нем мраморное надгробие над гробницей святой, но и восстановить всю обитель Бодбе. Так появляются предпосылки для открытия женского монастыря. Что и происходит в 1889 году, во время приезда императора Александра III. Кстати, в 1902-1906 годах настоятельницей этого монастыря была матушка Фамарь, в миру – Тамара Марджанишвили, сестра выдающегося театрального режиссера Котэ Марджанишвили.

После Бодбе наступает оче-

М.-Г. Сабинин. Давид Гареджийский

редь двух монастырей недалеко от древней грузинской столицы Мцхета. Они основаны в VI веке двумя из тринадцати «ассирийских отцов» – старцев, которые спустя 200 лет после принятия Грузией христианства прибыли в нее из Сирии проповедовать слово Божье. Возглавлявший их Иоанн нес свое служение и умер на горе Зедазени. А его сотоварищ Шио, основатель монашества в Грузии, жил отшельником и скончался в глубокой пещере, впоследствии названной Шиомгвиме.

По инициативе и под руководством Сабинина была вос-

становлена гробница святого Шио, а в Зедазени обновлен иконостас и установлен колокол, специально присланный из Петербурга. Но особое внимание было уделено Давид-Гареджийской лавре – главному из почти 20-ти пещерных монастырей, которые высечены в скалах на протяжении 25 километров полупустыни на грузино-азербайджанской границе.

Монастыри возникли в тех местах, где в естественной пещере в VI веке жил еще один из тринадцати «ассирийских отцов» – Давид, до этого подвизавшийся и в Зедазени, и на горе Мтацминда на территории Тбилиси. Для Гареджийской лавры, носящей его имя, Сабинин отыскивал в Москве и Петербурге, а потом выписывал в Грузию поистине предметы роскоши. Золототканые покрывала и облачения, дубовые иконостасы, бронзовые паникадила и драгоценная церковная утварь, мраморные столешницы для трапезной...

Финансовую поддержку в восстановлении монастырей Шиомгвиме, Зедазени и Давид-Гареджи оказывает Горийский епископ Александр (Окропридзе), но для столь роскошного убранства лавры святого Давида выделяемых им денег явно

недостаточно. И Сабинин сообщает епископу, что собрал деньги у «зажиточных людей по всей России». При этом он ходатайствует о выдаче меценатам награды Грузинской Церкви – креста святой Нины. Но это ходатайство, как, впрочем, и многие другие, отклонено.

А в Армазском филиале Государственного музея Грузии имени Симона Джанашиа хранится мраморный камень с гробницы Давида Гареджийского. Он сильно поврежден, но все равно на нем можно разглядеть надпись 1893 года на грузинском языке: «Завидуем тебе, достойный отец Давид, и воздаем дань святой памяти твоей! Предводитель монахов, с ангелами пребывающий, помилуй Сабинина в ссылке!»

Но причем здесь ссылка? А дело в том, что резкий, неприемлемый характер Михаила-Гоброна и его решительные, не всегда согласованные с другими поступки не прибавляют симпатий к нему со стороны и государственных чиновников, и представителей русского и грузинского духовенства. Даже иконе «Рай Грузинской Церкви» устраивают обструкции и светские, и духовные власти. Сабинина обвиняют даже в том, что он присваивает проходящие через его руки драгоценности и старинные рукописи.

Подобные обвинения можно было встретить и на страницах журнала «Мцкепси» («Пастырь»), издававшегося протоиереем Давидом Гамбашидзе на свои средства, и в официальных заявлениях представителей Экзархата. «Экзарх все время сетует, что я поддерживаю грузин. Грузин надо выселить, чтобы и следа не осталось, и заселить русских и молочан. Я возразил, на что он рассердился!» – пишет Сабинин другу, историку, писателю и книгоиздателю Захарии Чичинадзе. Под псевдонимом «Мтацминдели» Чичинадзе опубликовал множество старинных рукописей с различными документами и фольклором, много писал о культуре Грузии.

Все это настолько сближает его с Сабининым, что тот мог пооткровенничать. Как, например, сделал это в другом пись-

ме: «Грузины сомневаются в моей искренности, а русские считают предателем, хотя я не сделал зла ни одному из народов». Кстати, о письмах. С «говорящей» подписью «Ивериец Сабинин» они поступают даже на имя самого императора Александра III. В них – просьбы защитить грузинский народ и его Церковь. О судьбе таких писем легко догадаться. А эту гордую подпись Михаил-Гоброн использует и для неофициальных писем.

Конечно, не все высокие духовные лица были настроены против него. Сабинина поддерживал авторитетнейший протоиерей Петр (Кончошвили), ставший затем викарием Грузинского Экзархата. Сабинину полностью доверял епископ Кирион (Садзаглишвили), последовательно занимавший должности помощника смотрителя Телавского духовного училища, Горийского духовного училища, преподавателя Кутаисского духовного училища и епархиального женского училища. И, в конце концов, ставший первым Католикос-Патриархом Грузии после провозглашения автокефалии Грузинской Церкви в марте 1917 года.

С Михаилом-Гоброном его сближает то, что он сам опу-

Давид-Гареджийская лавра

бликовал несколько работ по истории Грузинской Церкви под псевдонимами «Ивериели» и «Никозели», изучал и собирал грузинские средневековые манускрипты, фольклор, древние грузинские монеты. Сабину импонировало, что этот его товарищ еще и финансово поддерживал талантливых грузинских студентов за рубежом, вел переписку с западными историками, интересовавшимися историей Грузии

В 1880-е годы Сабину вроде бы оказывают честь – избирают попечителем православного мужского монастыря Иверон на святой горе Афон в Греции. На самом деле повода для радости нет – должность номинальная, к тому времени монастырь из грузинского уже становится греческим.

В конце 1890-х Сабинин собирается издать на французском языке «Историю Грузинской Церкви», но это не удается. Зато удается окончательно настроить против себя власть предрержащих – за выступления против Экзарха Павла, оскорбившего грузинский народ, и Главноначальствующего на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа Алексея Дондукова-Корсакова, защищавшего Павла.

Сначала Синод отказывает Сабину в рукоположении епископом. Затем его обви-

Часовня Або Тбилели

няют «в неблагонадежности и неподчинении духовным и гражданским властям». Дважды – в 1890 и 1898 годах – его высылают из Грузии по представлению Экзархов Владимира и Флавиана, объявлявших его «ненадежным элементом». Во второй раз это было сделано без права возвращения. Так что, последние годы жизни он проводит в обеих российских столицах, измученный болезнями и ужасным душевным состоянием.

Он перестает сдерживать себя и многие свои невзгоды излагает на полях документов и

Свято-Данилов монастырь

рукописей, над которыми работает. Такие надписи называют маргинальными. Одна из них – рядом с текстом Псалтири, изданной в 1828 году, – содержит жалобу на то, что он очень бо-

лен, абсолютно одинок и доведен до отчаяния кознями недоброжелателей. А когда он в мае 1900 года заболевает воспалением легких и чувствует приближение конца, последнее его желание – быть похороненным в Давид-Гареджийской лавре.

Не сбывается и это. Хоронят Михаила-Гоброна в московском Свято-Даниловом монастыре. Сегодня могила его утеряна. А в его родном Тбилиси исполнилось то, о чем он мечтал с юных лет – у Метехского храма стоит ныне часовня святого Або Тбилели.

Да, прийти к Маису Мхитаряну значит прийти в театр, храм, на застолье и на вернисаж одновременно. Даже он сам, лично – художественный жанр. Не похожий ни на кого.

Чего уж тут скрывать – эту встречу мы выпросили. У кого? У Темо Сухишвили. Они с Маисом знакомы давно, их свела и подружила совместная работа над спектаклем в Тбилисском армянском

«Парящий Тифлис»

«Автопортрет»

«Я ВОСПЕВАЮ КРАСОТУ»

■ **Нина ШАДУРИ**

Наша встреча была не просто встречей. О нет! Пришли-то мы в гости, а попали на изумительное представление. И такое, уж поверьте, не забывается.

Итак, место действия – Ереван. Время действия – конечно, весна. Благодарные зрители и, одновременно, взволнованные участники – ведущая актриса театра им. Грибоедова Ирина Мегвинетухцеси, главный художник по свету Теймураз Сухишвили и автор этих строк. Ну, а главный герой и автор этой феерии – Маис Мхитарян, чье имя уже давно овеяно мифами и легендами, и чьи картины, которые узнаешь моментально, с первого взгляда, хранятся в музеях и частных коллекциях по всему миру (кроме Антарктиды и Арктики).

театре – Маис писал декорации, а Темо «рисовал» свои «картины» театральным светом.

К нашей радости, художник согласился на встречу в одну секунду, не задумываясь. И вот – мы переступаем заветный порог. И тут... Наверное, о подобном надо предупредить заранее, чтобы особо восприимчивые визитеры, не дай бог, не теряли сознание. Нас сразу накрыла огромная волна знаменитой «Тайной вечера», картины, занимающей в мастерской Маиса две стены. Перехватило дыхание. У Ирины (свидетельствую!) кровь прилила к лицу... Спустя несколько минут мы немного пришли в себя, и – началось! Разговор под Моцарта, Перголези, Керубини. Торжественный показ работ мастера – с непременно

условием не открывать глаза, пока очередная картина не будет установлена на мольберте для обозрения. Парад-алле кулинарных изысков Наринэ, супруги художника (кстати, она и сама творческий человек – создает потрясающие авторские куклы). И,

получилось, что высшего художественного образования Маис не получил. У него был лимит на поступление в московское Суриковское училище, но он хотел учиться в Ереване. Четыре раза поступал в Ереванский театральный институт на факультет живо-

вед Генрих Игитян. И, наконец, такой же совет Маис, приехав на учебу в Ленинград, получил и от нескольких преподавателей Репинки: «У вас уже сложился свой стиль, за пять лет учебы его запросто можно потерять. Да, уже тогда почерк художника

«Полет любви»

«Красное яблоко»

наконец, «вишенка на торте» для гостей – фотосессия с художником на фоне его полотен (это не надо описывать – вы все видите на фотографиях).

Но, как говорится, обо всем по порядку.

Маис Мхитарян родился в Тбилиси. Рисовать начал очень рано, еще дошкольником, и рисовал непрерывно. В школу приходил с этюдником, после уроков занимался в городском Дворце пионеров, позже – на подготовительных курсах Академии художеств. Подростком уже считался вполне самостоятельным художником, состоял в клубе художников-самоучек на Мейдане и участвовал в выставках этого клуба. Так

писи (имея престижный лимит!), и четырежды был отвергнут. Парадокс!

Маис работал художником на тбилисском танковом заводе, где рисовал плакаты и транспаранты, а после работы допоздна писал свои картины, ежедневно совершенствуя мастерство. Его известность росла, авторитет креп, но Маис все же хотел пройти профессиональное обучение в вузе, тем более его были готовы принять в ленинградское училище имени Репина без экзаменов. Однако... «Зачем вам еще учиться, Маис? – сказала ему Гаянэ Хачатурян. – Вы уже состоялись как художник». Те же слова произнес и знаменитый искусство-

можно было распознать безошибочно – нестандартный сюжет, характерное цветовое решение, необычная декорировка». «Загадочная фактура его работ несет в себе заряд энергии, особой духовности, – пишет Г. Игитян. – В полотнах Маиса чувствуется переживание прошлых веков, но живописец не проводит прямых аналогий с великими мастерами, он просто интерпретирует их в свете своего мировоззрения. Творение Маиса, художника-самоучки, обладает хорошим качеством ручной работы, что в настоящее время становится дефицитом». И Маис вернулся в Тбилиси.

Дальше все пошло само со-

Фотосессия в мастерской

бой, одно за другим.

Театральный фестиваль в Ереване и премия Вартана Аджемяна за лучшую работу художника (тот самый спектакль Тбилисского армянского театра «Позвали» в постановке Армена Баяндуряна). Первая персональная и целый ряд последующих выставок в Ереване и Тбилиси. Переезд в Армению. Вступление в Союз художников Армении. Вступление в Ассоциацию ЮНЕСКО. Несколько документальных

фильмов, посвященных художнику. Издание каталога-альбома «Маис Мхитарян». Издание стихотворений Саят-Новы и картин Маиса Мхитаряна под одной обложкой – как созвучных друг другу. Медаль Патриарха всех Армян Гарегина II. И так далее, и так далее – всего не перечислить. Разве что следует добавить поговорку, бытующую в рядах коллекционеров, – я не так богат, чтобы у меня на стене висела картина Маиса Мхитаряна.

А теперь самое время рассказать, о чем нам посчастливилось побеседовать с художником.

– *Маис, как вы создавали свою «Тайную вечерю»?*

– Она привиделась мне наяву – именно в том виде, в каком вы ее видите. И я сорвался с очередной персональной выставки в Ереване и уехал в Тбилиси, чтобы поскорее начать писать. Заперся и приступил. Сразу же! Рисунок сделал прямо на холсте. Я работал над этим полотном пять лет.

– *Картина вам так и привиделась – со всеми деталями?*

– Именно так. Я сперва увидел ее, и лишь потом начал осознавать, что эти образы значат. Иисус – дирижер. Апостолы – музыканты. Дирижер дирижирует, а оркестр молчит. У одного нет струн, у другого – смычка... У Иуды нет ничего – ни струн, ни смычка.

– *Я смотрю, у них на нимбах разные созвездия...*

– Умница! 12 апостолов, 12 месяцев, 12 знаков зодиака. А где тринадцатый знак?

– *Да, вопрос... Вообще, ваша главная тема – любовь и красота, правда?*

– Конечно. Я воспеваю красоту. А как иначе? Вот, говорят, красота спасет мир. Нет, это не так. Спасать надо Красоту.

– *От мира?*

– От всего. Она такая хрупкая – как крылья бабочки... Спасая красоту, мы спасем себя. Посмотрите, что происходит – всюду хаос, ужас. Даже в театрах показывают, как люди убивают друг друга. Я не хочу этого видеть, я не хочу это писать. И не пишу.

– *Ваши картины целебны. Смотришь на них и чувствуешь, что становишься моложе, красивее, здоровее. Вы не только художник, но и врачеватель.*

– Думаю, предназначение искус-

ства и в этом тоже.

– *Как вы пишете – по вдохновению, на заказ, по расписанию?*

– Ну, рыба ведь каждый день плавает? Так и я. Это для меня естественно. Мне кажется, если я еще трижды появлюсь на белый свет, мне все равно не хватит времени, чтобы написать все, что я хочу передать, все, что есть во мне. Я даже пьесу написал – «Продавщица масок». Но все упирается в деньги – потому что это должно быть роскошно. (Маис поделился с нами своим замыслом, но мы не считаем себя вправе разглашать его грандиозную задумку). Мне кажется, это может стать, если не революцией, то чем-то совершенно новым в театральном мире, переходом на какой-то другой уровень. Ведь в нас живет целый мир. Знаете, во что я верю? Нет прошлого и будущего. Все время – настоящее, только настоящее. То прошлое, что живет в нас, оно тоже настоящее. А то, что в нас не живет, – не настоящее. Поэтому для меня нет ушедших... Для меня главное – показать состояние. Не что рисовать, а как рисовать. То есть, написать, например, не как я поднимаю камень, а показать – у меня такое состояние, что я поднимаю камень своим нутром. Но к этому прийти очень трудно. Понимаете? Если в вас есть состоя-

Маис Мхитарян

ние, вы можете выйти на сцену и ничего не делать. А будут овации. Помню свое чувство во Флоренции, когда я шел по улице, по которой ходил Модильяни... Иначе смотришь на эту улицу. Есть видимое и невидимое. Некоторым дано увидеть невидимое. И это для меня важнее – состояние...

– *Поэтому, как вы часто говорите, трудно быть искусствоведам?*

– Да! Они пишут обо всем, кроме искусства. Придумали свои «измы». И говорят об «изме», но не об искусстве. Пикассо – кубист, значит, давай рассуждать о кубизме. А где Пикассо? А если убрать «измы» – смотрят, молчат и ничего сказать не могут. По-знайте состояние! Не художника – картины. Они ведь живые. Есть нарисованные работы, а есть живые. Мои картины со мной говорят. Я с ними говорю. Сама картина не позволяет мне писать так, как я хочу. Она диктует, как я должен ее написать.

– *А почему для вас так важен Тбилиси?*

– Я таков, каков я есть, потому что родом из Тбилиси. Если бы Сарьян родился в Тбилиси, его живопись была бы иной. Что сказал Генрих Игитян? «Параджанов, Гаянэ, Бежбеук-Меликян, Маис Мхитарян – все они разные, но с одной планеты». Мы здесь родились, выросли, воспитаны. Когда я переехал в Ереван, мне было 35. Помню, как кричала Гаянэ – почему вы его отпускаете?

– *Что стало решающим доводом для переезда?*

– Генрих Игитян уговорил. Сделал в Ереване мою выставку, и это был бум. И я решился на переезд...

– *Что в вас изменилось, когда вы переехали?*

– Ценности, которые есть во мне, не меняются. Но отношение к этим ценностям – чуть-чуть изменилось. Когда смотришь на гору Арарат издалека – она очень красива. А подымаешься по ней – это камни, камни, камни... Это не переоценка. Просто иначе на все смотришь.

– *А как же лучше смотреть на Арарат? Издалека или вблизи?*

– В том-то и дело: надо идти по камням и видеть эту красоту. Мне кажется, я пришел к этому. Везде можно увидеть красоту.

– *Даже в ужасном, трагическом?*

– Христианину задали вопрос: «Вы говорите, что бог – везде. Значит, в аду тоже?» – «Да, и в аду. Но ад – не в нем». И я верю, что Он везде. Но не все – это Он... Он говорит со мной через кисть. Это Он так хочет. Я всего лишь инструмент, который Он выбрал. И если Он очень захочет, то сейчас в дверь постучат и вручат мне чемоданчик с деньгами – вот тебе, Маис, ставь свой спектакль.

– *Когда вы осознали его присутствие в вашей жизни?*

– Еще в Тбилиси. Я почувствовал, что это не я рисую, а Он, что это его дар. У меня была депрессия на протяжении двух лет. В нее легко попасть, но трудно выйти. И Он указал мне путь. И я словно заново родился. Я начал – не побоюсь этого слова – творить. Сказать «Маис рисует» – даже неловко. Дети рисуют. Для меня это самовыражение.

– *А с чем была связана депрессия? Можете сказать?*

– Конечно. Я не мог выразить себя. Дано мне было много, но я не мог найти свой путь. Я испытывал ужас. И написал стихи: «Я слышу лай собаки и вижу смерть моей жизни. Я хочу кричать новорожденным голосом, чтобы вы услышали и не услышали мой крик». Это в приблизительном переводе с армянского... Тогда я уже начал бродить по Тбилиси, писать стихи... Мы дружили с Гаянэ. Как-то она говорит: «В Тбилиси живет гений, Сергей Параджанов, ты должен его увидеть». Нет, говорю, не хочу. Мне было 24 года. Это имя мне ни о чем не говорило. Но в один прекрасный день мы все-таки пошли к нему. Пришли в шесть вечера, а ушли в три часа ночи. Я увидел – это гений. Великий поэт. Гаянэ молчала. Только отвечала: «Да, Иосифович». И все. Он показал свои работы и спросил – какая понравилась? Я ответил: «Вы мне больше понравились, чем все эти работы вместе взятые». Так и было – я увидел гениального человека, а его коллажи мне казались значительно меньше, чем он сам. «Видите, – закричал Параджанов, – как меня оценил молодой человек! Гаянэ, он мне нравится. Ты моя сестра?» – «Да». – «А он будет моим зятем. Сегодня играем свадьбу. Я дам приданое. Говори адрес. Посе-

С супругой Наринэ в Тбилиси

лок Метрострой, улица... дом... Так, завтра, к тебе приедет грузовик с приданым». Конечно, он ничего мне не прислал. Но сыграл красиво.

– *Прошлой осенью вы отметили юбилей. Какие ощущения?*

– Вот чего я не могу понять – когда я родился, меня никто не называл «младенец Маис». В 16 лет ко мне не обращались «юноша Маис». Так почему я сейчас стал «дядя Маис»? Говорят, мне 60 лет. А кто знает точно, сколько мне лет? 89 или 18? Возраст – это придумка. Для удобства, чтобы по полочкам разложить. Все ли весны я помню, которые прожил? Нет, всего две или три. Каждое ли прожитое воскресенье помню? Нет. Нет никаких лет. Есть рождение, жизнь и смерть. Сколько прожили молодые ребята Моцарт, Боттичелли? А сколько оставили? Люди могут прожить 105 лет и ни разу не купить себе билет на концерт Баха. Маису – 60 лет? Смешно! Самое главное – я живу!

В разговоре Маис переходил с русского языка на грузинский, с грузинского – на армянский. И хотя Темо Сухишвили прекрасно говорит по-армянски, мы ни разу не попросили его перевести сказанное Маисом Мхитаряном. Потому что понимали его без перевода...

В зале Метрополитен-музея в Нью-Йорке

ДИАЛОГИ

С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

■ Андрей МАРУДЕНКО

Продолжение

О КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ

– Никита Дмитриевич, из большинства видных деятелей русской эмиграции, вы единственный, кто хорошо владеет оборотами советского языка и шутками. Кроме общения с людьми, вы, может быть, смотрели советские фильмы, читали книги?

– Нет, кино для меня, как минимум, на третьем месте после балета и оперы. Я редко хожу в кино. Про фильм «Семнадцать мгновений весны» я услышал только два года тому назад. Анна Тихонова, обнаружив, что я не знаю о Штирлице, подарила мне диск этого шедевра – резуль-

тат удивительного мастерства Вячеслава Тихонова и таланта режиссера Татьяны Лиозновой. Читал сочинения Ильфа и Петрова про Остапа Бендера, Алексея Толстого, Шолохова и все, что заставляли изучать в болгарской школе – например, басню о Павлике Морозове и трагическую историю о Зое Космодемьянской. Речь идет о 1946-1954 годах. Затем, с 1955 года живя на «гнилом» Западе, я был лишен знакомства с советскими кино и литературой.

– Анекдоты советские знали?

– Да, анекдоты были частью светских встреч с советскими служащими – на обедах и ужи-

нах, после переговоров. А также и на встречах с некоторыми значимыми, которые позволяли себе рассказать анекдот взамен выражения собственного мнения об окружающей действительности.

– Как советская культура, несмотря на колоссальный разрыв с дореволюционной русской традицией, сохранила многие виды искусства на пике возможного, как, например, ваш любимый балет?

– Балет за 70 лет советской власти остался качественным благодаря педагогам, которые сохранили традиции. Плюс решение Сталина, что надо беречь эталоны балета, театра и оперы для рекламы за рубежом культурных достижений СССР.

– Что вы еще можете выделить из культуры советского периода? Русский авангард?

– Да, русский авангард, родившийся еще до 1917 года, оставил след в мировом искусстве. Беспредметная живопись стала частью новой революционной культуры второй половины 1910-х и первой половины 1920-х годов. С уходом Ленина и Луначарского она постепенно умирала. Доклад Жданова 1934 года о соцреализме положил ей конец. Новые подходы к театральной живописи начались с Дягилевских сезонов в Париже в 1909 году и затем развивались параллельно с достижениями в беспредметной живописи. Жданову удалось загасить и эту блестящую вспышку русской сценографии. Подобная участь была уготована и советским плакатам, которые, усвоив инновации и достижения Тулуз-Лотрека в области афиш, создавали образы, которые были понятны «доблестным советским трудящимся». И это явление также умудрились добить в 1934 году. Сталин был любителем театра, литературы и музыки. Он знал о колоссальном успехе русских композиторов и писателей, проживавших за рубежом. И ему удалось заманить Прокофьева обратно в СССР. Вместе с Эйзенштейном они создали незабываемые кинофильмы.

– В настоящее время что из российской культуры вы бы могли выделить?

– Увы, я некомпетентен дать вам ответ. Балет в Большом театре и Мариинском – в затишье.

Князь Никита Лобанов-Ростовский

О руководителях обоих театров создается впечатление, что они не чувствуют, не понимают тонкости балета и оперы. Мне неинтересно ходить на их спектакли. Зато исполнения симфонических концертов в Мариинском театре Санкт-Петербурга и в Московской филармонии – на высшем уровне.

– *Насколько западный высший класс ориентирован на классическое искусство?*

– Любовь к классическому искусству является частью его мировоззрения. Это результат домашнего окружения и обучения в частных школах, где преподают предметы, глубоко знакомящие с классической культурой, в отличие от бесплатных государственных школ. Несомненно, классическое искусство элитарно. Но оно не востребовано массами. Поэтому большинство его институтов субсидируются государством. Там, где государства сознают, что классическая культура является необходимостью для нации. Например, Метрополитен-опера, как и все остальные оперные театры, существует на дотации элиты.

– *Вы связываете ваш эстетизм с коллекционированием живописи?*

– Нет, я всегда был подтянут и хорошо одет и в детстве. Мой отец всегда, даже в бедности, делал так, что мы носили одежду хоро-

шего покроя и качества. Кстати говоря, в геологию я пришел из минералогии, из увлечения красотой кристаллов. Некоторые художники раскусили это в конце 19-го века, увидев красоту шлифованных пород под микроскопом. Я думаю, что Кандинский это видел.

– *Что вы чувствуете, когда сталкиваетесь с красотой?*

– Воодушевление и благоговение. Когда вижу красивую картину, я стою перед ней и вдохновляюсь. У меня зарядка от этого – когда я вижу красивые цветы у нас в саду и смотрю на многообразие цветов там растущих. Я наслаждаюсь ими. У меня эстетический подход к тому, что меня окружает.

– *Красота во всех проявлениях так вас трогает?*

– Да. Вид моей супруги Джун, переживание на качественном балете или оперном спектакле, вид виллы Палладио в Италии или здания Фрэнка Ллойда Райта в Чикаго.

– *В вашем эссе о Пушкине видно ваше благоговейное отношение к его гению.*

– Несомненно. Гоголь, тургеневские «Записки охотника», Лесков... Огромнейшее удовольствие, огромное.

– *Много вы встречали людей с таким выраженным эстетическим чувством, как у вас?*

– Таким был, например, кол-

лекционер регент князь Павел Югославский, который создал огромное собрание живописи. Оно сейчас находится в Национальном музее в Белграде. Вот человек, с которым я чувствовал эстетическую близость по отношению к живописи.

– *Вы не чувствовали себя эстетическим одиночкой?*

– Вначале – да. Я был знаком только с Юрием Рябовым, единственным коллекционером русской живописи в Нью-Йорке в 1950-1960-х годах. Впоследствии мне повезло познакомиться и подружиться с многими коллекционерами, такими, как барон фон Тиссен, Сергей Лифарь в Париже, Илья Зильберштейн в Москве, Борис Кохно в Париже и другие.

– *Вы коллекционировали то, что вам нравится?*

– Да. Затем, когда в 1964 году мы познакомилась с Джоном Болтом, он сделал интеллектуальное обоснование нашей коллекции. Он мне сказал, что для концептуальной полноты коллекции я должен буду пополнить ее беспредметниками. До этого я относился довольно прохладно к авангарду. Для меня Рафаэль был гораздо более приемлем. Но вкус меняется. Мы создали уникальную коллекцию русской театральной живописи.

– *Если бы у вас была возможность украсить сейчас свой быт*

Дом-студия Фрэнка Ллойда Райта в Чикаго

любыми произведениями искусства, что бы вы выбрали?

– Ныне, имея значительные средства, которых у меня в молодости не было, я бы окружил себя живописью Арчимбольдо, Дюрера, Веласкеса, Рембрандта. В столовой развесил бы Брейгелей – отца и сына. В спальне – Делакруа, в спальне – Делакруа, Ренуара и Серебрякову.

– Красота женщины для вас принципиальна?

– Нет. Личность и интеллект гораздо важнее для меня, чем красота. У меня была подруга – актриса Джейн Фонда. Обаятельный человек, играла на гитаре, мы много времени проводили вместе. Но для меня она была скучна.

– Откуда у вас любовь к классической музыке? Из семьи?

– Да. Мой дед, Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, имевший придворное звание камер-юнкера, активно занимавшийся хозяйственной деятельностью, ведавший казенными конными заводами Российской империи, был еще и скрипачом. Каждый день играл на скрипке Страдивари. Его любимым композитором был Чайковский.

– Какова судьба скрипки?

– Страдивари был продан. Моя бабушка потеряла весь семейный капитал – с величайшим трудом вывезенные при побеге из России ценности. Она вложила все средства в месторождение угля в Болгарии, которое оказалось фальшивым.

– Какие ваши любимые произведения?

– «Реквием» Моцарта. Независи-

мо от того, что это произведение Моцарт не успел закончить, его музыкальный диапазон чувств настолько глубок, что он затрагивает во мне все зоны звуковых ощущений. Второй концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова – я восхищаюсь его самой богатой палитрой звуков среди другого музыкального репертуара. Первый концерт для фортепиано с оркестром Прокофьева – меня пленяют его необычные ритм и мелодика.

– Кого вы любите более всего среди пианистов, скрипачей и дирижеров?

– Я ставлю на первое место пианиста Владимира Горовица за его музыкальность и узнаваемую интонацию. Я дружил с его дочерью

Вилла «Ротонда» Андреа Палладио

Вандой в Нью-Йорке. Далее – Артур Рубинштейн, с его чувствительностью и неподражаемым мастерством исполнения музыки Шопена. С ним я познакомился у герцогини Марины Кентской. Я навещал ее дочь Александру в Кенсингтонском дворце, бывая на вечерах, на которых иногда играл Рубинштейн. Если говорить о скрипачах, то в Нью-Йорке мне удалось услышать Давида Ойстраха и Яшу Хейфеца. В доме Натана Мильштейна я познакомился со своей будущей супругой Ниной. Из дирижеров – Герберт фон Караян остается незабываемым благодаря своей музыкальности, качественности и чистоте исполнения. Он за 10 лет превратил хор Софийской оперы в самый качественный в мире, выступающий во всех лучших концертных залах Европы. Артуро Тосканини и Валерий Гергиев всегда доставляют мне огромное удовольствие своими безупречными и индивидуальными подходами к трактовке партитур.

– Кто из исполнителей балета для вас является лучшим?

– Эрик Брун в роли Альберта в балете «Жизель». Как «danseur noble» он уникален среди коллег за последние 80 лет. Нуреев в него влюбился, пораженный его талантом. Нуреев в роли Армана в балете «Маргарита и Арман» на музыку Листа. Исполняя эту роль вместе с партнершей Марго Фонтейн, он олицетворял дра-

му страсти, чувствительности со всем мастерством танцовщика. Конечно, Владимир Васильев в роли Спартака, Екатерина Максимова в роли Фригии, Марис Лиепа в роли Краса в балете «Спартак» на музыку Хачатуряна. Наталия Осипова в роли Китри и Иван Васильев в роли Базиля в балете «Дон-Кихот» Минкуса. Михаил Барышников в балетах Баланчина. Марго Фонтейн в роли Джульетты вместе с Нуреевым в роли Ромео в постановке Кеннета Макмиллана. Николай Цискаридзе в «Щелкунчике». Запомнил навсегда изумительный прыжок виртуоза Ирека Мухамедова в роли Принца в «Спящей красавице».

– Разумеется, нельзя обойти вопрос про ваши предпочтения в опере.

– Из тех, на чьих выступлениях я присутствовал, запомнилась Мария Каллас в драматической роли Тоски вместе с Тито Гобби в роли Скарпия. Ее бархатный и безупречный голос сочетался с талантом драматической актрисы. Подобные качества были и у Гобби. Он полностью погружался в роль жестокого и сильного жандарма, чему соответствовали тембр его голоса и телосложение. На вечере у моего дяди, Николая Васильевича Вырубова, в Париже он пел возле окна в гостиной – стекла звенели от мощи его голоса. Редкий и мощный голос Галины Горчаковой восхитил меня в исполнении ею роли Ренаты вместе с Сергеем Лейферкусом в роли Рупрехта в опере Прокофьева «Огненный ангел». С Сергеем мы дружили еще с его ленинградской поры. К своим предпочтениям отнесу и роли Анны Нетребко. Ее исполнение роли Мюзетты в опере Пуччини «Богема» незабываемо. Владимир Моторин в роли Бориса в опере «Борис Годунов» Мусоргского – в предыдущей постановке Большого театра. Его мощный и мелодичный голос сочетается с талантом изумительного драматического выражения эмоций. Более всего напоминает Шаляпина в этой роли. Дмитрий Хворостовский. Он был совершенен в роли Онегина. Его выступление с Рене Флеминг в роли Татьяны неизгладимое в памяти. Вспоминается история, как однажды мы с Дмитрием Хворостовским

Усадьба Ваддесдон

Интерьер усадьбы Ваддесдон

одновременно подъехали к воротам Букингемского дворца, к банкету, который давала Королева. Все гости были во фраках. Кроме Дмитрия – он был одет в необычный театральный пиджак, без белого галстука. Кстати, Ростропович тоже не был во фраке, а в черном пиджаке без воротника, но с множеством пуговиц – на китайский манер.

– Вы общались со многими людьми в СССР. Они не боялись общаться с вами в те годы?

– Многие не боялись. Те, кто был близок к органам, знали, что я действую по получению банковских займов СССР. Банк, в котором я работал и возглавлял отделение, которое выдавало займы банкам СССР, постоянно одалживал краткосрочные и долгосрочные

кредиты СССР. Иные знали меня как коллекционера и общались со мной на тему искусства. Я был им представлен местными властями, когда мы с Ниной приехали в 1970 году по официальному приглашению Центрального государственного архива литературы и искусства. А в мире оперы, балета и музыки их выдающимся представителям, видимо, было разрешено общаться с таким неблагонадежным элементом, как я.

– Вы имели отношение к первому аукциону Сотбис в Москве?

– В 1988 году Сотбис провел первый и единственный аукцион в Москве под названием «Русский авангард и современное искусство». Цель Сотбис была в том, чтобы создать сенсаци-

Рудольф Нуреев и Марго Фонтейн

онное событие. Для этого были приглашены множество «гвоздей» аукционного мира. Для них были организованы дорогие эксклюзивные экскурсии, дипломатические приемы и посещения мастерских художников-нонконформистов. Был даже показ икон, к которым иностранцам ранее не было доступа. Этот аукцион стал событием рекламы как для Сотбис, так и для живописцев. Без этого аукциона многие из нонконформистов остались бы неизвестными на мировой арене. В СССР не было закона, который разрешал иностранцам вывоз купленного товара на аукционе, проведенном в СССР. Сотбис и Минкульту удалось совершить беспрецедентный бартер. Графиня Аленфельд унаследовала от Лифаря автограф Пушкина. Она его продавала за миллион долларов. Минкульт хотел его купить, но денег на это у Минкульту не было. Сейчас появились олигархи, которые могут помочь, но в те времена это было невозможно. Минкульт договорился с Сотбис, что аукционный дом купит автограф Пушкина и подарит его Советскому Союзу, а СССР в свою очередь разрешит западным покупателям увезти русский авангард, считавшийся тогдашними правителями страны мусором. Сотбис выручил с этого аукциона

3 миллиона долларов. По случайности день аукциона совпал с моей командировкой в Москву по делам Де Бирс. Я разместился с директором Тедди Доу в гостинице «Международная», которая была первой гостиницей в Советском Союзе, построенной по предложению и на деньги Арманда Хаммера, друга Ильича. Мой коллега попросил меня спуститься в ресторан и забронировать столик на ужин, что я и сделал. В ресторане мне сказали, что столиков нет. Я дал официанту 10 долларов. Он все равно сказал, что столиков нет. Я вернулся огорченный в номер Тедди Доу. Он посмотрел на меня с сожалением и сказал: «Пошли». Он дал 50 долларов метрдотелю и сказал: «Найди нам место». Он тут же нашел нам маленький столик, поставил его в коридоре, и так мы отужинали. На следующий день, 7 июля, был аукцион. После аукциона лорд Грей Гаури, который был председателем Сотбис, дал торжественный ужин в отдельном кабинете в гостинице «Международная». И по случайности в этом кабинете было два столика, не относящиеся к банкету Сотбис. Один был как раз за спиной лорда, который председательствовал за столом. За столом сидели почтенные гости, а за маленьким столиком позади

ужинал я с Тедди Доу.
– То есть вы не участвовали в банкете?

– Нет, мы ничего общего не имели с Сотбис. По какой-то случайности – так бывает в жизни – мы сидели за лордом. С лордом Гаури мы были знакомы 20 лет – я через него способствовал продаже Малевича, ранее висевшем в Третьяковке, в галерею Тейт в Лондоне. Посередине обеда лорд Гаури поворачивается ко мне и говорит: «Одолжи мне, пожалуйста, 100 долларов, потому что официант не приносит икры, если я ему не дам взятку». К счастью, у меня были наличные доллары, потому что я знал, что в СССР тогда без них не обойтись. Оказалось, что мы возвращались в Нью-Йорк одним рейсом Бритиш эйрвейс в бизнес-классе. Лорд Гаури меня вызывает и говорит: «Никита, приходите к нам

Мария Каллас

работать». Я ответил, что уже занят в Де Бирс и одновременно консультирую аукционный дом Кристис. Он ответил, что необязательно работать каждый день, просто приходите к нам работать. У нас как раз будет эмиссия новых акций, и вы на этом прилично заработаете. Вот так, по случайности, я и попал в Сотбис.

■ Светлана СИНАТАШВИЛИ

Дача, поместье, усадьба...

Михайловское и Болдино для Пушкина, Спасское-Лутовиново для Тургенева, Тарханы для Лермонтова, Шахматово для Блока, Мураново для Боратынского и Тютчева, Мелихово для Чехова – больше, чем загородный дом. Это приют художника, источник вдохновения, место притяжения.

Дача – это феномен нашего быта и нашей культуры. В европейских реалиях и, соответственно, в языках нет слов, адекватно передающих понятие «дача». У французов – *maison de campagne* и *résidence secondaire*, «дом в деревне» и «второе жилище». У англичан – *cottage*, иногда с уточнением *country cottage*, «сельский дом». У немцев – *Landhaus* и *Sommerhaus*, «сельский дом» и «летний дом». Есть еще *Schrebergarten* – крошечный клочок земли, пара деревьев, цветочная клумба, очаг для барбекю и микроскопический сарай для хранения инвентаря. Кстати, ночевать в летних домиках немцам запрещается. Приедут, пожарят сосиски, посидят во дворике, подышат, а после захода солнца – обратно в город, иначе – штраф. Даже понятия «поехать на дачу» у европейцев нет. Англичанин, немец, итальянец, испанец обязательно скажут «поехать за город».

Слово «дача» появилось в русском языке в начале XVIII века. Образованное от глагола «давать», оно означало, что царь награждал приближенного за особые заслуги, т.е. дача была царским подарком. Первыми дачами стали великолепные усадьбы под Санкт-Петербургом в период правления Петра Первого.

Первый императорский указ, в котором употребляется слово «дача» в современном значении, был подписан Николаем I 29 ноября 1844 года. Указ назывался «О раздаче в г. Кронштадте загородной земли под постройку домов и разведение садов».

Постепенно дача не только превратилась в спасение от городской толчеи и суматохи, но и стала стилем жизни, обрела идеологию. Это уже не просто уча-

А НА ДАЧЕ – ВСЕ ИНАЧЕ

сток земли, но отдельная сфера со своей системой ценностей. И по сей день, дача – это не тип постройки (хотя законы жанра так или иначе соблюдаются), а особый образ жизни на природе.

С середины XIX века дачная мода все больше набирает обороты. Строить и сдавать на лето дома на территории своих имений и парков начинают и сами аристократы. Такие места называли «барскими дачами». Сдавать могли и старые парковые постройки, и даже части не использовавшихся дворцов. Петергоф, Павловск, Гатчина и другие знаменитые пригороды Петербурга – это аристократические дачные направления тогдашней столицы.

Обычно на дачу уезжали весной и оставались жить до позд-

ней осени. Например, художник А.Н. Бенуа вспоминал, что его семья «предпочитает мерзнуть и мокнуть на даче, лишь бы поскорее выбраться из Петербурга». О масштабе летней миграции в то время можно судить по другому факту из биографии Бенуа: художник и его невеста, игравшие свадьбу летом, специально назначили венчание и торжества на дневное время, поскольку всем гостям нужно было успеть вернуться на свои дачи.

На отдых за город семьи дачников перебирались в полном составе. Те, кто работал, по утрам отбывали на службу, а вечером возвращались на дачу. Но что можно было делать на даче несколько месяцев? В дачных поселках часто был центр – небольшой парк, куда ходили гулять все дачники. Среди популярных дачных развлечений того

Цихисдзири. Дача военного инженера Поморского

Особняк Г. Адельханова в Ортачала

Цихисдзири. Заброшенная дача

времени: походы в гости, выезды на пикник, концерты и летний театр, маскарады, занятия гимнастикой, езда на велосипедах и даже выходы на яхте (набиравший популярность любительский спорт).

Легкие платья и ажурные солнечные зонтики, чаепития на деревянной веранде, плетеная мебель, венские стулья и кусты крыжовника, страсти, романы и прогулки – этот антураж дачной жизни появился на рубеже XIX–XX веков и окончательно определил дачный стиль. Образ жизни на даче сформулировал А.П. Чехов в рассказе «Новая дача»: «Ни пахать, ни сеять, а только жить в свое удовольствие, жить только для того, чтоб дышать чистым воздухом». На своей даче в Гурзуфе писатель разводил розы, писал и – дышал, дышал, дышал... Именно в Гурзуфе родились пьесы «Три сестры» и «Вишневый сад», повесть «В овраге», рассказы «Дама с собачкой», «На святках», «Архиерей», «Невеста».

После революции 1917 года практически все дачи перешли в собственность государства. Но дачная культура не исчезла. Судя по воспоминаниям, и в советское время счастливые вполне воспроизводили чеховскую идиллию: варили варенье, ставили самовар, растопив его шишками и щепками, часами сидели на веранде, беседовали, играли в бадминтон.

Дачи очень быстро стали одними из неофициальных центров культурной жизни. На дачах собирался весь литературный цвет страны. Маяковский, Заболоцкий, Пастернак, Чуковский, Бунин часто находили творческое вдохновение в спокойных и размеренных днях дачной жизни. Именно на даче они устраивали первые читки своих произведений.

В 1930–1950-е годы образцом жанра (и предметом вождения) стали дачи чиновников, академиков и других привилегированных категорий населения. Творческие союзы писателей, архитекторов, композиторов и т.п. организовывали собственные дачные поселки. В их числе – знаменитые Переделкино, Болшево, Малаховка, Комарово... Кстати, идея о строительстве го-

Цихисдзири. Дача генерала Заленского

родка для писателей принадлежала М. Горькому. Тот же принцип сохранился и позднее, когда то или иное советское предприятие раздавало своим сотрудникам участки, и соседями по даче оказывались работники одного завода или фабрики. Такие дачи были в окрестностях Тбилиси – в Цхнети, Кикети, Коджори... Некоторые из них сохранились.

В Переделкине практически в первоначальном виде сохранилась дача Бориса Пастернака. Сейчас там – дом-музей поэта. И на даче Булата Окуджавы все так, как было при жизни писателя – вплоть до кабинета, где по-прежнему на столе стоят «роза красная в бутылке» и пепельница, а на стенах висят самодельные полки с книгами.

Со времен Никиты Хрущева население в основном использовало дачи для выращивания собственного урожая. Размер дачного участка – строго шесть соток. На семью из трех человек полагалась только одна дачная комната.

В Грузии, разумеется, тоже были дачи и дачники. Самыми желанными были участки на черноморском побережье. Сейчас там находится множество заброшенных, а еще больше – отреставрированных дворянских дач. Они великолепны – и те, и другие. Заброшенные пленяют своей изысканностью, былой роскошью. Набрeдeшь на такое чудо и стоишь, как громом по-

раженный, не зная, к кому обратиться, у кого спросить о том, кто ходил по этим заросшим травой ступенькам, свидетелями чьих страстей были эти эксклюзивные каминные и старинная мебель.

В мире существует и развивается особый вид туризма – урбантуризм. Он основан на посещении нерабочих заводов и шахт, заброшенных и разрушенных домов. Это, если угодно, сталкерство. Когда-то молодежная субкультура, ныне – это тревел-тренд, который набирает обороты по всему миру. Может быть, вы тоже урбантурист или сталкер, но еще не знаете об этом?

Впрочем, лучше поговорить со специалистом.

Сфера профессионального интереса нашей собеседницы Людмилы Нарикаевой – это заброшенные дома, дворцы, дворянские дачи черноморского побережья. Людмила разбирает архивы, восстанавливает историю объектов, находит потомков их владельцев, устраивает экспедиции с энтузиастами-единомышленниками. В ближайшем будущем собирается выпустить книгу об интересных особняках и поместьях Грузии, о сохранившихся и заброшенных дачах черноморского побережья.

– Людмила, поделитесь своими ощущениями от посещения заброшенных дач?

– Трепет и ощущение чего-то забытого, близкого. Воспоминания. Ощущение, что пришла в давно забытый дом или в «свою» эпоху.

– Откуда такая тяга к истории?

– С детства. Хотела стать археологом, но родители отговорили: не женское, мол, это дело. Стала педагогом начальных классов. Потом, в юности, попала в Цихисдзири и навсегда влюбилась в это чудесное место. Любовалась прекрасными дачами, которые поражали своим великолепием. Интересно было, кому принадлежала эта красота. Все вопросы к местному населению остались без ответа. Люди помнили советское прошлое, названия домов отдыха, но понятия не имели, кому принадлежали эти дома до 1921 года. И чем меньше было информации, тем больше разгорался мой азарт.

Так начался долгий путь по раскапыванию деталей. После освобождения Аджарии земли в окрестностях Батуми стали раздавать представителям высшего сословия, тем, кто отличился в русско-турецкой войне. На холмах Цихисдзири, Зеленый Мыс, Махинджаури быстро росли изысканные деревянные дачи и помпезные каменные усадьбы. Владельцы соревновались между собой в красоте и изысканности приусадебных парков, а потому перед каждым домом были разбиты роскошные сады с редкими субтропическими растениями. Между аллеями магнолий, камелий и олеандров журчали фонтаны, в которых плескались золотые рыбки, и от каждого особняка прямо к морю спускались изящные ступеньки. Архитектурный расцвет длился недолго. Грянула революция, дачи были национализированы. Самые красивые отошли под пионерские лагеря, дома отдыха, конторы. В остальных поселили простых людей из других республик, которые мощным потоком хлынули в Аджарию в поисках работы и были заняты в основном на сборе цитрусовых. Один дом делили между собой несколько семей.

– Самые значимые ваши находки?

– Дача наместника царя на Кавказе Михаила Романова, которую приобрело частное лицо.

Она в данный момент на реставрации. Дача графа Гейдена, чья племянница стала причиной дуэли Николая Юсупова и ее супруга, закончившаяся гибелью Юсупова. На этой даче она долго жила, восстанавливала здоровье после трагедии. Дача шведской семьи Стюаров, в прошлом – усадьба князя Барятинского, где отдыхал Булгаков и даже написал несколько глав романа «Мастер и Маргарита». Есть две незаброшенные дачи, на которых проживали Ильф и Петров. Именно там они писали свои «12 стульев». Персонажей списывали с вполне конкретных людей, с которыми встречались, общались. Там же, неподалеку, находится дача, где снимался уже сам фильм «12 стульев». На одной из дач проживала баронесса Дизингаузен, которая занималась в Тбилиси благотворительностью, попечительством, открывала школы. После национализации ее усадьба стала домом отдыха, а вот в последний свой приезд я нашла лишь пустую полянку с видом на море... В этих местах жил золотопромышленник Сибиряков, который в народе был известен тем, что на свои деньги крыл крыши всем нуждающимся в Батуми. Горожане его очень любили. Происходил из одного из самых древних и влиятельных сибирских родов, владельцев золотых приисков, заводов, пароходств

Людмила Нарикаева

и железных дорог. Советская власть несколько раз арестовывала Сибирякова, и местные жители буквально выкупали его из тюрьмы. Жила здесь и графиня Фесенко, которую в народе называли воспитательницей Николая II. Правда, документального подтверждения этому я пока не нашла. Царь построил графине роскошную дачу на холме Махинджаури. В 2013 году она была включена в список памятников культурного наследия Грузии, как «Усадьба графини Марии Фесенко». В 2018-19 гг. планировалось начать реставрацию памятника, но выполнение работ пока так и не началось. На берегу моря в Чакви стоит дача китайца Лао, которому мы обязаны развитием чайных плантаций в Аджарии. Но самым первым батумским дачником был Альфонс Иероним д'Орнано, которого местные жители называли Михаил д'Альфонс. С 1881 года он проводил важные интродукционные работы в Батуми, а с 1885 года занимал

должность главного садовода. В окрестностях Чакви у него был собственный прекрасный дом и роскошный сад. Я нашла дачу племянника Чайковского, князя Дмитрия Давыдова, внука декабриста, дачу старшей сестры Саввы Морозова, Анны Тимофеевны Карповой. Савва Морозов был представителем знаменитой династии купцов-старообрядцев. Миллионер управлял семейным предприятием – текстильной Никольской мануфактурой, а также другими компаниями и заводами. Крутой характер, мощный интеллект, великолепное образование (факультет химии в Кембридже), медвежье телосложение, огромное состояние – Савва Морозов был заметной фигурой в бизнесе начала XX века. Причем я отыскала в Питере правнучку сестры Саввы Морозова. Ее зовут Марина Геннадьевна Смольянинова, она – старший научный сотрудник Института славяноведения. У сестры Саввы Морозова был очень удачный брак, пятнадцать детей, полови-

на которых, к сожалению, попали под жернова репрессий 1937 года. Марина Геннадьевна собирала исторические документы и реликвии своей семьи, но ничего не знала о даче бабушки близ Батуми. Мы с ней приятно пообщались по телефону, она была рада и тронута... В Цихисдзири была дача у князя Репнина. Я подозревала, что хорошо знакомые мне руины и есть эта дача. Исследователь истории семьи Репниных из Киева нашла меня в социальных сетях. После нашей беседы все встало на свои места. Мы нашли развалины его бывшей роскошной дачи... Тут же, в Цихисдзири, находились дачи Поморского, Голицына, инженера Скаржинского (она же – винодела Ананова), генерала Зеленского, плантации Любавского. Каждая, даже самая незначительная находка, для меня – взрыв эмоций.

– *Какие находки вас особенно поразили своей красотой?*

– Их много. Обломки лепнины, кованая решетка, роспись стен в особняке, найденная под толстым слоем краски...

– *И все-таки, для чего это нужно?*

– Это попытка запечатлеть чудом уцелевшие ощущения и воспоминания. Все эти места имеют таинственную связь со временем, с прошлым, с историей, а следовательно, и с нами.

– *Индустриальный туризм в Грузии только набирает силу?*

– Да, для Грузии это новый вид туризма. Раньше здесь он не был развит совсем. Вначале меня даже обвиняли в том, что я делаю антирекламу Грузии, показывая руины, заброшенные дачи. Но постепенно появились единомышленники, люди прониклись идеей сохранения историй «дворянских гнезд» черноморского побережья. Это радует.

– *Есть ли будущее у грузинского урбантуризма?*

– Сложный вопрос. В Грузии, как нигде, все очень быстро реставрируется. С одной стороны, меня, как гражданку Грузии, это радует. А с другой стороны, огорчает. Ведь находить заброшенные архитектурные шедевры становится все сложнее.

В Рача-Лечхуми

40 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

■ Тамар МЕСХИ-МОДЕБАДЗЕ

*По матери я украинка, по отцу – полька,
а по национальности – тбилисели,
т.е. до мозга костей уроженка Тбилиси.*

Виктория Чаплинская

Молодой музыкант скромно открывает дверь оперного театра и, волнуясь, направляется к кабинету Джансуга Кахидзе – там проходит прослушивание. Maestro объявил конкурс концертмейстеров, в котором принимают участие 19 профессиональных пианистов. Молодой музыкант – а это была Виктория Чаплинская – одержала в этом конкурсе безусловную победу. Перед Викторией открылись новые перспективы. Оперный театр готовился к гастролям в Москве, где должен был представить оперу Рихарда Штрауса «Саломея», Джузеппе Верди «Трубадур» и новые грузинские оперы «Музыка для живых» Гии Канчели и «И было в восьмой год» Бидзины Квернадзе. Работу над этим репертуаром поручили именно В. Чаплинской.

Незабываемы были первые уроки, когда в класс вошли корифеи оперного искусства – Зураб Анджапаридзе, Цисана

Татишвили, Паата Бурчуладзе, Тамаз Лаперашвили, Марица Маглаперидзе... Виктория, не смея поднять глаза на легендарных певцов, была поглощена текстом клавира, но почувствовала столько тепла и любви к себе, начинающему концертмейстеру, что скованность мгновенно рассеялась, и начался большой творческий процесс, ознаменовавший большой успех грузинских артистов на сцене Большого театра.

Любовь к театру у Вики была заложена генетически – ее тетья по отцовской линии, Вера, была актрисой и с малоярославским театром гастролировала в Тбилиси. С ней были осиротевшие пятилетний брат Константин (отец Виктории) и двухлетняя сестра Нина. Покоренная природой Грузии и ее жителями, семья Чаплинских обосновалась в Тбилиси. Этот город стал для них второй родиной.

Во время Второй мировой

войны в Грузию из Украины была эвакуирована 19-летняя девушка Людмила Плясовица. Именно в Тбилиси зародилась любовь между Людмилой и Константином, которые подарили Грузии двух прекрасных дочерей – Галину и Викторию. Огромная любовь родителей к музыке предопределила судьбу старшей дочери Галины, которая стала музыкантом. Во многом благодаря старшей сестре, Виктория тоже самозабвенно полюбила музыку и выбрала ее своей профессией. Поступила в 5-ю музыкальную школу, где постигала азы музыкальной грамоты под руководством педагога Нуну Бердзенишвили.

В консерватории им. Вано Сараджишвили, являясь воспитанницей таких блестящих музыкантов, как Тенгиз Амиრэджиби и Татьяна Дуненко, Виктория сформировалась в серьезного музыканта. Министр культуры тех лет Отар Тактакишвили заметил неординарный талант Виктории и предложил ей работать в Тбилисском оперном театре. Но Вика с искренней непосредственностью ответила,

С Гурамом Кашакашвили

С Мариам Пирцхалаишвили и Армазом Дарашвили

С Георгием Гагнидзе и Ириной Алексадзе

С отцом Адамом Ахалая

что учится в аспирантуре Ленинградской консерватории имени Н. Римского-Корсакова под руководством маститых музыкантов Софии Вакман и Софии Хентовой.

Затем В. Чаплинскую пригласили работать в Ленинградскую консерваторию, но любовь к Грузии, несмотря на заманчивые перспективы, перевесила. И всю свою профессиональную деятельность она направила на воспитание грузинских музыкальных кадров, передавая им любовь к музыке и верность избранному пути.

Достаточно привести один пример, который в полной мере иллюстрирует мастерство выдающегося педагога. Когда Роберт Стурау решил поставить пьесу Терренса Макнелли «Уроки Марии Каллас», то в качестве музыкального консультанта пригласил Викторию Чаплинскую. И она сотворила чудо, превратив артистов драмы в певцов, и сделала это так, что после премьеры никто и не сомневался, что на сцене находились профессиональные вокалисты.

Как быстро пролетело время! Смотришь на молодую, красивую женщину и не веришь, что она служит грузинской культуре уже 40 лет.

22 февраля в Национальном театре им. Ш. Руставели состо-

ялся юбилейный вечер, посвященный 40-летию творческой деятельности В. Чаплинской. Вечер вела музыковед Ния Бахтадзе, в гала-концерте принимали участие исключительно воспитанники Чаплинской. Зал был переполнен благодарными слушателями – коллегами, друзьями и учениками. Специально на юбилей приехал известный баритон Георгий Гагнидзе, который отметил, что в его блестящем успехе львиная доля принадлежит его педагогу в консерватории, народному артисту Тамазу Лаперашвили и его концертмейстеру Виктории Чаплинской.

Представитель этой же школы, премьер Мариинского театра, бас Михаил Колелишвили прислал видеопоздравление.

Теплые слова поздравления пришли от художественного руководителя концертного зала Бехштейн-Холл пианиста Луки Окрос – также воспитанника Виктории.

За годы своей деятельности В. Чаплинская тесно сотрудничала со многими корифеями искусства. Дорого стоили прозвучавшие с экрана слова прославленного фольклориста Анзора Эркомаишвили о том, что он всегда считал себя верным почитателем ее таланта.

На сцену один за другим

поднимались воспитанники В. Чаплинской: пианисты Тамар Личели, Натия Кавтарадзе, Ирина Рамишвили, Лела Усеинашвили, Екатерина Гагнидзе, Вахтанг Заалишвили, Сергей Маркосян, Давид Кецбая; скрипачи Кетеван Тавшавадзе, Тея Бахтадзе; певцы – актриса театра Руставели Кети Сванидзе; студентка Мариам Гагнидзе; солисты оперного театра Ирина Алексидзе, Армаз Дарашвили, Елена Джанджалия; и, конечно, молодое поколение певцов – Зураб Анджапаридзе-младший, Иамзе Джакели, Гига Абесадзе, Тамар Лебанидзе, Георгий Годердзишвили, Леван Табатадзе, Мариам Пирцхалашвили.

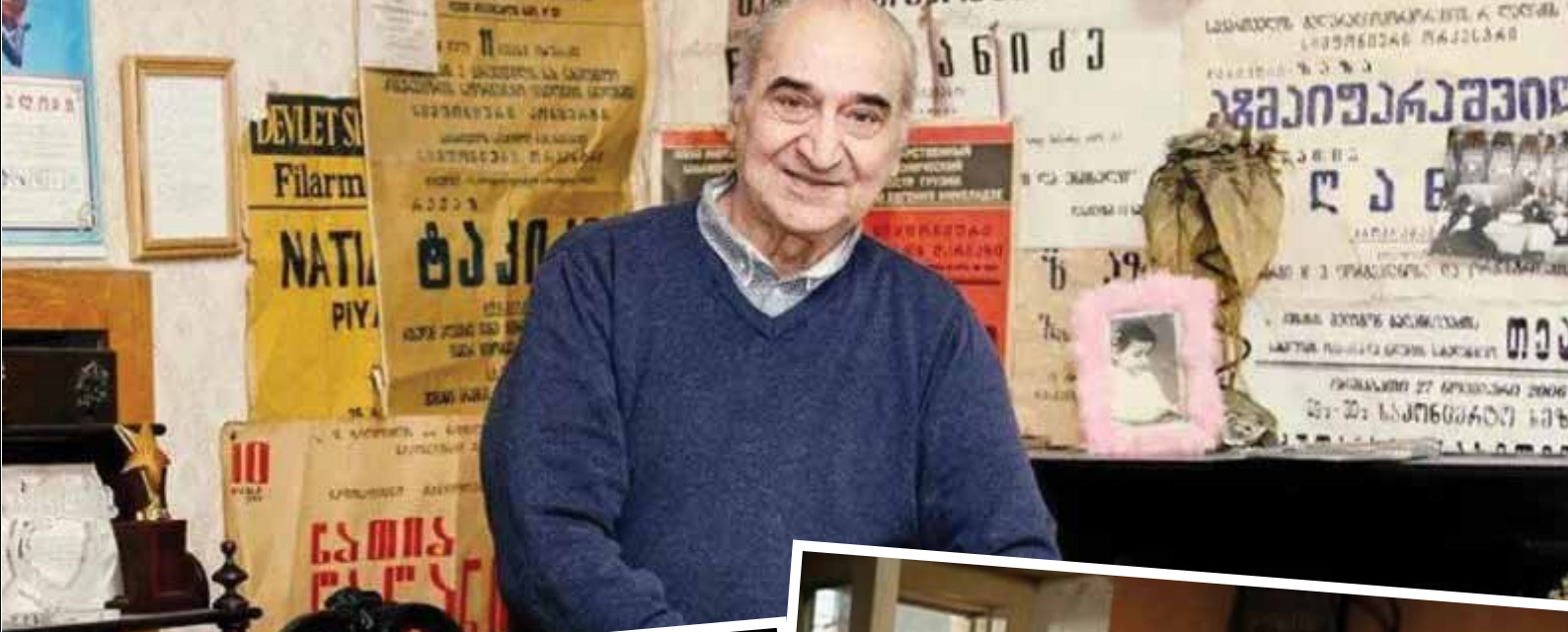
Это был истинный праздник любви и искусства! Все концертные номера сопровождалось бурными аплодисментами. Как приятно, когда в такой знаменательный день своего любимого строгого и справедливого педагога с таким теплом и любовью поздравляют его воспитанники – сегодня уже состоявшиеся музыканты! И каждый отмечал огромную заслугу педагога в своих успехах.

Председатель Союза композиторов Грузии Георгий Шаверзашвили вручил Виктории Чаплинской награду за вклад в развитие и популяризацию грузинской музыки.

А венцом вечера стало поздравление академика Гурама Кашакашвили, который вместе с Мариной Мачавариани является основоположником Фонда Зураба Анджапаридзе. По их общему решению В. Чаплинская была награждена Дипломом лауреата Международного Фонда им. З. Анджапаридзе.

40 лет – это много. Но, с другой стороны, так ли уж много? Ведь впереди столько планов и дел – еще многих начинающих музыкантов предстоит научить профессии и раскрыть им крылья для прекрасного полета в искусстве!

P.S. Время бежит, а калбатоны Виктория каждый день с обычной энергией (теперь уже уверенно!) открывает двери оперного театра и направляется к своему кабинету – там ждут ее воспитанники.

21 апреля исполнилось 90 лет со дня рождения Джемала Гаганидзе (1933-2003), Народного артиста Грузии, Почетного гражданина Тбилиси, с 1956-го по 2023 гг. – актера Национального драматического театра им. Ш. Руставели.

Вербное воскресенье в Сагареджо